
ЭММА СМИТ
КРАСАВИЦА
И
ЗВЕРЬ
Даже в самой тёмной ночи
сердце узнаёт своё.
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Эмма Смитх

Красавица и Зверь

«Автор»
2026

Смитх Э.

Красавица и Зверь / Э. Смитх — «Автор», 2026

Равана:Я верила, что отец меня любит. Но он отдал меня замуж против моей воли — мужчине, которого называют зверем. Я не покорюсь ему. Я буду бороться до конца и выиграю в его же игре.Арсен:Я не верил ни в любовь, ни в судьбу. Но стоило мне увидеть Равану, как я понял: она должна быть моей. Я не ожидал лишь одного — что будущая жена будет ненавидеть меня. И всё же впервые в жизни мне захотелось поверить в чудо.

© Смитх Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Арсен 26
Равана 34
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Эмма Смитх
Красавица и Зверь

Красавица и зверь

Аннотация

Равана:

Я верила, что отец меня любит. Но он отдал меня замуж против моей воли — мужчине, которого называют зверем. Я не покорюсь ему. Я буду бороться до конца и выиграю в его же игре.

Арсен

Я не верил ни в любовь, ни в судьбу. Но стоило мне увидеть Равану, как я понял: она должна быть *моей*. Я не ожидал лишь одного — что будущая жена будет ненавидеть меня. И всё же впервые в жизни мне захотелось поверить в чудо.

Словарь

Намаз (по-арабски — салят) — это обязательная каноническая молитва в исламе, один из пяти главных столпов религии

«Машаллах» (араб. مَا شَاءَ ٱللَّهُ — ма шаа аллах) означает «то, что пожелал Аллах» или «так пожелал Аллах»

Evet ~ Да

Кызым ~ Дочь.

Джаным – душа моя.

Ас-саля́му алейкум (араб. اَلسَّلَامُ عَلَيْكُمْ) — это традиционное арабское приветствие, означающее «Мир вам»

Предупреждение

Эта книга посвящена восточной культуре и традициям. В сюжете затрагиваются темы ограничения прав девушек, принудительного брака, брака по расчёту, семейных сделок, давления со стороны родственников и подчинения общественным правилам.

В традиционных обществах Востока, как и во многих других регионах мира в прошлом, выдача дочери замуж ради сделки или погашения долга могла быть обусловлена экономическими, социальными и правовыми реалиями того времени.

Это не оправдывает насилие, принуждение или ущемление прав женщин, а лишь объясняет исторический и социальный контекст, отражённый в книге.

Если вам тяжело читать о подобных темах или вы резко отрицательно относитесь к ним, пожалуйста, отложите эту книгу.

Вы были предупреждены.

Глава первая

Равана

— О нет!

Я рассмеялась и, не удержав равновесия, свалилась с кровати на пол.

Милена тут же прыгнула следом. Её волосы рассыпались по плечам, а пальцы безжалостно впились мне в бока. Сестра обожала щекотать меня — особенно по утрам, когда я ещё не успевала толком проснуться и дать ей отпор.

— Милена! Слезь с меня, ты слишком тяжёлая! — простонала я, пытаясь оттолкнуть её.

Конечно, именно так и начинается мой день: не с чашки ароматного кофе и не с любования горными вершинами, а с борьбы за собственные рёбра.

Милена только громче рассмеялась. Её голубые глаза сияли озорством, а тёплые карие волосы щекотали мне щёку.

— Издеваешься? Я всего сорок пять килограммов вешу! Я не виновата, что ты такая хрупкая.

Хрупкая? Вот сейчас я ей покажу, какая я хрупкая.

— Кого это ты назвала хрупкой? — я ткнула в неё пальцем.

Надо было выбрать угрозу посерьёзнее. Например, пообещать спрятать её любимые украшения. Хотя нет — тогда она обыскала бы весь дом и устроила переполох.

Милена наконец слезла и подала мне руку. Я ухватилась за её ладонь и поднялась, приглаживая растрепавшиеся волосы. Мы были ровесницами, но чужой кровью это родство не измеришь: Милена была моей сводной сестрой, однако ближе неё у меня никого не было.

Мой отец был женат на четырёх женщинах. Я никогда не понимала, как моя мать могла делить его с другими. Даже представить, что однажды мне придётся делить мужа, было невыносимо. И пусть это считалось обычным делом в нашем крае, для меня в этом не было ничего прекрасного.

Моя мать умерла, когда мне исполнилось четырнадцать. После неё рядом осталась Эсмира — мать Милены, женщина, которая приняла меня как родную дочь. О других жёнах отца я старалась думать как можно реже. Зависть и жажда власти давно вытеснили из их сердец всё человеческое.

Мы жили в большом доме клана Караевых — настоящем дворце, сложенном из светлого камня. Его высокие арки и резные деревянные двери хранили прохладу даже в самые жаркие дни. Внутри тянулись длинные коридоры с узорчатыми коврами, медными светильниками и нишами, где стояли керамические вазы ручной работы. Из окон верхнего этажа открывался вид на горы Аль-Захры: их тёмные склоны упирались в небо, а на вершинах даже летом белел снег.

Дом был красивым, богатым и полным голосов. Но роскошь не могла сделать его уютным. Здесь каждый знал, кому принадлежит та или иная комната, кто имеет право говорить за главу семьи и чьё слово будет услышано. Даже тишина в этих стенах казалась частью чужих правил.

В дверь постучали. Мы с Миленой обернулись.

На пороге стоял Руслан — наш брат. Ему было двадцать шесть, хотя рядом с ним многие казались младше: высокий, широкоплечий, с хорошей осанкой и уверенным взглядом. Карие волосы чуть падали ему на лоб. В его глазах я узнавала свои, но характер у нас был совсем разный. Руслан мог быть строгим до дрожи, а через минуту — заботливым до невозможности. Угадать его настроение было труднее, чем предсказать, когда в горах начнётся метель.

Мы с Миленой не раз жалели его будущую жену. Хотя, если честно, порой я жалела и самого Руслана.

Он окинул нас взглядом и нахмурился.

— Вы готовы?

Вот и началось. Руслан вошёл в комнату всего на несколько секунд, а у меня уже появилось ощущение, будто я опоздала на целый час.

Мы с Миленой переглянулись. Уголки её губ дрогнули, мои тоже. Но смеяться при Руслане было опасно: он мог принять это за вызов и прочитать нам целую лекцию о приличиях.

Мы лишь кивнули.

— Мы сейчас опоздаем на свадьбу. Поторопитесь.

Свадьба. Стоило произнести это слово, как весёлое настроение рассеялось. Чужой праздник — чужая история любви. По крайней мере, я очень хотела в это верить.

Мы подошли к большому зеркалу в резной раме. Моё платье было нежно-изумрудного цвета, с мягкими складками на талии и тонкой вышивкой по рукавам. На Милене серое платье

смотрелось изящно и строго. Наши наряды были скромными, но дорогая ткань красиво переливалась при свете ламп.

Платки мы повязали особенно тщательно — сегодня хотелось выглядеть нарядно. Я выбрала белую прозрачную вуаль, закрывавшую нижнюю часть лица. Обычно я носила её не всегда, но сегодня мне хотелось оставить между собой и остальным миром тонкую преграду. Из-под белой ткани были видны только глаза. Милена говорила, что они у меня светятся, когда я волнуюсь.

Наверное, она была права.

В нашем горном крае Аль-Захра редко встретишь девушку с непокрытой головой. После первых признаков взросления девочек учили носить платок. Для одних это было традицией и частью веры, для других — тесной клеткой. Я не спорила с чужим выбором. Но всегда считала, что право решать должно принадлежать самой женщине.

Я взяла Милену за руку, и мы вышли из комнаты.

Путь в гостиную проходил через внутреннюю галерею. Её стены украшали мозаичные панели — синие, золотые и бирюзовые, с тонкими узорами из листьев и звёзд. Под арочными окнами стояли широкие скамьи с бархатными подушками. С потолка свисали тяжёлые хрустальные люстры, и их свет ложился на пол мерцающими пятнами. В доме было всё, чего можно пожелать: дорогие ткани, серебряная посуда, искусная резьба, ухоженные сады во внутреннем дворе.

Не хватало только мира.

Когда мы вошли в гостиную, разговоры стихли. Женщины собрались у резного стола, на котором уже стояли чаши с финиками, сладостями и миндальными пирожными. В большом каменном камине потрескивал огонь, хотя на улице было тепло. Сад за высокими окнами утопал в розах, а небольшой фонтан тихо журчал среди кипарисов.

Первая жена моего отца, Айсу, сидела прямо, будто даже кресло должно было подчиняться её осанке. Она была красива той холодной, безупречной красотой, которая заставляла невольно расправить плечи. Рядом находилась Эсмира — мать Милены. Она встретила нас мягкой улыбкой, и я почувствовала, как напряжение в груди немного ослабло.

Моя мать когда-то занимала третье место в этом доме. Я мысленно произнесла за неё короткую молитву. А четвёртая жена отца, Сияна, сидела чуть поодаль. Её сыновья-близнецы были её гордостью и, как она надеялась, будущими наследниками власти. Но главой клана Караевых стал Руслан. И Сияна так и не простила ему этого.

Всё в этой гостиной было дорого — от узорных ковров до тонких браслетов на запястьях женщин. Но стоило мне взглянуть на Сияну, и вся роскошь теряла значение. Между нами, давно шла невидимая война, в которой никто не поднимал оружия, но каждый удар всё равно оставлял след.

Эсмира поднялась и подошла ко мне.

— Ты прекрасно выглядишь, Равана.

От её слов мне стало теплее. Эсмира всегда умела дать понять, что видит во мне не только дочь покойной соперницы, но и собственную девочку.

— Спасибо, тётя Эсмира.

Я хотела назвать её мамой — как делала иногда в детстве, — но рядом были остальные. В этом доме даже самые тёплые слова порой приходилось прятать.

Айсу внимательно оглядела меня с головы до ног. Её взгляд задержался на белой вуали.

— В такой вуали ты почти не видна.

Значит, именно так и должно быть. Не всякий взгляд заслуживает права видеть меня.

— Сегодня мне так спокойнее.

Я сказала это мягко, но внутри не собиралась оправдываться. Моё лицо, моя вуаль и мои решения принадлежали мне.

На мгновение в комнате снова стало тихо. Сияна чуть заметно улыбнулась, будто уже приготовила колкость, но Руслан опередил её: он вошёл следом за нами, застёгивая запонку на манжете. Его лицо оставалось непроницаемым.

— Машины ждут во дворе.

Я перевела взгляд на окно. За стеклом и правда уже стояли чёрные автомобили, сверкая чистыми кузовами под утренним солнцем. Праздник начинался, а у меня почему-то было чувство, будто мы едем не на свадьбу, а навстречу чему-то, о чём мне забыли рассказать.

Мы направились к выходу. По дороге я задержала взгляд на большом портрете отца, висевшем в холле. Он был изображён в парадной одежде главы клана — уверенный, властный, привыкший, что его решения не обсуждают.

Когда-то я верила, что его любовь защитит меня от любых чужих решений.

Я ещё не знала, что именно однажды его решение станет для меня самой большой раной.

Глава вторая.

Равана

Мы ехали в машине Руслана. Он сидел за рулём, сосредоточенно глядя на дорогу, а рядом с ним устроился наш двоюродный брат Халид. Они были похожи не внешне, а чем-то другим — тем, что замечаешь не сразу. Оба держались уверенно, говорили мало и одним своим присутствием заставляли людей вокруг становиться тише.

В Аль-Захре их считали самыми завидными холостяками. Женщины шептались о них на семейных торжествах, матери присматривали сыновьям невест, а девушки украдкой наблюдали за ними из-под ресниц. Мне было трудно понять, что именно в них находили таким привлекательным. Наверное, людям нравилась власть. Или опасность, которую они умели носить на себе, как дорогой костюм.

За нами тянулась вереница других машин. Чёрные и тёмно-синие автомобили плавно вились по горной дороге, словно часть одного большого кортежа. Внутри сидели родственники, приближённые семьи, охрана. На свадьбы у нас не ездили маленькими компаниями. Иногда казалось, что приглашали весь край, а если кого-то забывали, он всё равно появлялся — из любопытства, уважения или просто потому, что где-то услышал музыку.

За окном проплывали каменные ограды и небольшие поселения. Дома строили из светлого камня, с плоскими крышами и резными балконами. На склонах паслись овцы, а между холмами блестели тонкие полоски ручьёв. Чем выше мы поднимались, тем холоднее становился воздух. Солнце отражалось от далёких гор, и их вершины казались почти прозрачными, будто сотканными из света.

Я прижалась к окну. Дорога петляла между скалами, то сужаясь до одной полосы, то неожиданно раскрываясь широким участком, с которого была видна вся долина. Машина мягко покачивалась на поворотах. Рядом Милена устроилась поудобнее и смотрела на мелькавшие пейзажи. Её серое платье выделялось на фоне тёмной обивки сидений, а платок был повязан аккуратно, без единой выбившейся пряди.

— Как продвигаются дела у Сеферевых? — спросил Халид.

Я чуть повернула голову к нему. О Сеферевых я знала немного — только то, что взрослые не любили произносить их имя за столом. Но, когда произносили, разговоры обычно становились напряжёнными.

Я знала: семьи враждовали уже несколько лет. Иногда ссора затихала, и казалось, что старые обиды наконец забыты. Но стоило кому-нибудь упомянуть имя Амира, как напряжение возвращалось — резкое, тяжёлое, похожее на грозу, которую пока не видно, но уже чувствуешь кожей.

— Нет. Амир что-то готовит, — ответил Руслан.

Он говорил спокойно, но я заметила, как сильнее сжались его пальцы на руле. Даже не оборачиваясь, я почувствовала, что для него это не обычный разговор. Может быть, именно потому, что Руслан почти никогда не показывал тревогу, его спокойствие пугало меня больше любых громких слов.

— Мы должны быть начеку, Руслан. Этому подонку ничего не стоит убить нас.

От слов Халида по спине пробежал холодок. Я взглянула на брата, ожидая увидеть хотя бы тень беспокойства. Но он по-прежнему смотрел на дорогу.

— Не переживай. Я буду тем, кто убьёт его.

Сердце неприятно сжалось. Взрослые произносили такие слова так легко, словно говорили о пустяке, который можно уладить после ужина. Но смерть не была пустяком. Даже если война тянулась годами, даже если каждая семья хранила свои обиды, от этого она не становилась менее страшной.

— Я и не сомневался в тебе, — произнёс Халид.

В его голосе звучала уверенность. В моей — если бы мне пришлось говорить, — была бы только надежда, что всё это не закончится новой бедой.

Мы ехали около двух часов. Аль-Хайр был далеко от нашего дома, и край казался бесконечным. За одним перевалом открывался следующий, за одной долиной — другая. Порой дорога проходила так близко к скале, что я невольно задерживала дыхание. Внизу лежали ущелья, в которых деревья казались крошечными зелёными точками. Иногда нам навстречу попадались грузовые машины, и тогда Руслан замедлял ход, пропуская их на узких участках.

Аль-Хайр принадлежал братьям Умаровым — именно здесь они унаследовали земли и дома. Их фамилия часто звучала в разговорах старших, но я знала о них не намного больше, чем о Сеферевых. Девушкам у нас редко рассказывали о том, что происходит за пределами семьи, а телефоны многим не разрешали до замужества. Боялись, что девушки начнут общаться с незнакомыми мужчинами, узнают слишком много или просто станут задавать вопросы.

Отец был не таким. Он разрешал нам пользоваться телефоном и говорил, что не хочет запирать дочерей от мира. Тогда мне казалось, что это значит: он доверяет нам и любит нас. Я старалась не думать о том, как легко доверие и свобода могут исчезнуть, когда речь заходит о чужих решениях.

Наконец дорога стала шире. Впереди показался Аль-Хайр — небольшой, но богатый край, раскинувшийся у подножия гор. За каменной стеной тянулись улицы с высокими домами и ухоженными дворами. На крышах блестели солнечные панели, а в садах росли кипарисы, гранатовые деревья и розовые кусты. Чем ближе мы подъезжали к центру, тем больше становилось машин.

Ресторан для свадьбы находился за массивными воротами. Здание было огромным, облицованным кремовым камнем, с высокими окнами и украшенными резьбой арками. На крыше виднелись купола, а над центральным входом переливалась мозаика с золотыми и синими узорами. По обе стороны от ворот стояли фонари, уже зажжённые, хотя день ещё не закончился. В их стеклянных плафонах мерцал тёплый свет, похожий на маленькое пламя.

Руслан припарковал машину неподалёку от входа. Халид открыл дверь и вышел первым. Наши братья направились к ресторану, но Руслан задержался у автомобиля и посмотрел на нас.

— Сидите в машине. Скоро подойду за вами.

— Хорошо, — ответила Милена.

Она сказала это послушно, но уже выглядывала в окно. Милена редко умела долго ждать — особенно если за окном происходило что-то интересное.

Руслан прикрыл дверь и ушёл вслед за Халидом. Мы остались внутри. За стеклом собирались мужчины: приветствовали друг друга, обменивались рукопожатиями, обнимались, задавали вопросы о дороге и семьях. Их было так много, что площадь перед рестораном постепенно

наполнялась голосами. Кто-то приехал на чёрном внедорожнике, кто-то — на дорогом седане. Чуть дальше парковались машины из нашего кортежа.

У нас на свадьбах никогда не бывало двадцати человек. Одних только близких родственников было больше. А ещё были друзья семей, деловые партнёры, старейшины, дальние кузены и люди, чьи имена мы слышали лишь раз в год. Каждая свадьба превращалась в большое собрание всего края.

Милена вдруг прижалась к окну.

— Здесь так много красивых парней! — прошептала она.

Я проследила за её взглядом. В толпе у входа действительно было несколько молодых мужчин — все высокие, хорошо одетые, с уверенными улыбками. Милена всегда замечала то, на что я старалась не смотреть.

— Милена.

Я произнесла её имя тихо, предупреждающе. Руслан мог вернуться в любую минуту, а брат наверняка не обрадовался бы, узнав, что сестра разглядывает гостей.

— Что? Я же не слепая, —сказала она, не отводя взгляда от окна.

Я едва удержалась от улыбки. Милена умела с невинным видом произнести то, за что любой другой получил бы замечание.

— Надеюсь, на этой свадьбе я найду себе мужа, — продолжила она мечтательно.

Я посмотрела на неё. Иногда Милена говорила о замужестве так, будто оно было дверью в новую, счастливую жизнь. Мне хотелось верить, что однажды именно такой она для неё и станет.

— Так хочется замуж?

— Конечно. Я устала дома сидеть и наблюдать за кислыми выражениями наших мачех.

— Ты невозможна, Милена.

Это было правдой, но я сказала это с нежностью. Иногда именно её лёгкость помогала мне не погружаться в тяжёлые мысли.

— А ты разве не хочешь замуж? — спросила она.

Я отвела взгляд к стеклу. Там отражалось моё лицо под прозрачной вуалью. Вопрос оказался проще, чем ответ.

Замуж… Я всегда боялась этого шага. В нашем мире были мужчины, которые обращались с жёнами так, будто те были обязаны им служить и молчать. Я слышала об этом обрывки разговоров, видела, как некоторые женщины опускали глаза при мужьях, и чувствовала, как внутри поднимается протест.

Я открыла рот, чтобы ответить Милене, но дверь машины распахнулась. Руслан стоял снаружи.

— Выходите.

Мы кивнули и выбрались из машины. Снаружи воздух пах камнем, розами и чем-то сладким — вероятно, выпечкой, которую уже подавали внутри. У входа гостей становилось всё больше. Руслан держался позади нас, и одного его присутствия было достаточно, чтобы люди не задерживали на нас взгляд.

Впереди я заметила Айсу и Сияну. Они уже вошли в ресторан. Я протянула руку Милене и взяла её за ладонь.

— Пойдём.

Я не хотела показывать, как сильно нервничаю. Но Милена почувствовала это и сжала мои пальцы в ответ.

Мы пересекли площадку перед входом. С каждым шагом разговоры вокруг становились громче, а музыка — отчётливее. За воротами раскинулся внутренний двор с мраморным фонтаном. Вода стекала по каменным чашам, отражая золотые лучи заката. По дорожке к дверям

вели ковры глубокого бордового цвета. Между колоннами висели ткани, расшитые золотой нитью, а над ними переплетались гирлянды из белых цветов и зелёных листьев.

Ресторан изнутри оказался ещё прекраснее. Огромный зал поднимался на два этажа, и с верхней галереи свисали хрустальные люстры. Их свет отражался в зеркалах и рассыпался по стенам, украшенным тонкой росписью. На колоннах золотились орнаменты, на столах стояли высокие вазы с цветами, а белые скатерти были вышиты серебряными узорами. Для гостей приготовили длинные столы, покрытые тяжёлой тканью. На них рядами стояли блюда с фруктами, сладостями и орехами.

Мы прошли к месту, где сидели наши родственники. Эсмира махнула нам рукой. Её чёрный платок мягко обрамлял лицо, и при виде неё я снова почувствовала себя спокойнее.

— Девочки, что будете есть? — спросила она.

— Всё, что вы положите, мы съедим, — ответила я.

Я не была особенно голодна, но не хотела обижать Эсмиру. К тому же от одного запаха пряностей и горячего хлеба желудок напоминал о себе.

— Да, мама, — поддержала меня Милена.

Она положила нам на тарелки баранину с рисом, зеленью и тонкими ломтиками запечённых овощей. От блюда поднимался аромат шафрана и специй. Милена сразу принялась пробовать, а я оглядела зал. Гости прибывали один за другим. Поздравления звучали со всех сторон, официанты скользили между столами, а музыканты на небольшой площадке настраивали инструменты.

Мы сидели рядом с нашими родственниками и наблюдали за входом. В какой-то момент гул голосов изменился. Люди повернули головы к дверям, кто-то поднялся со своего места. Жених и невеста вошли в зал.

Невеста была очень красивой. Её платье мягко переливалось при каждом шаге, а украшения сверкали у лица и на запястьях. Она держалась с достоинством, но по тому, как крепко держала букет, я догадалась, что она волнуется. Жених шёл рядом. Я узнала его — Арнав, друг Руслана. Сегодня он наконец женился.

Молодожёны остановились у украшенной цветами арки. Вокруг них закружились поздравления, вспышки камер и радостные возгласы. Свадьба выглядела словно со страницы сказки. Свет, цветы, музыка, сияние нарядов — всё было устроено так, чтобы этот день казался идеальным.

Я посмотрела на невесту и подумала: интересно, счастлива ли она? Или тоже старается улыбаться перед сотнями людей, надеясь, что никто не заметит её волнения?

— Какие же они красивые, — прошептала Милена.

Я улыбнулась ей. В её глазах было искреннее восхищение. Она смотрела на пару и видела красоту, а я пыталась понять, что они чувствуют.

— Да, — тихо ответила я.

Мне хотелось добавить, что красота свадьбы ничего не говорит о том, что будет после неё. Но я промолчала. Не стоило портить Милене этот момент.

— Сейчас молодёжь всё делает, чтобы привлечь к себе внимание, — язвительно произнесла Айсу.

Я медленно повернула голову. Айсу смотрела на пару с видом женщины, которую трудно впечатлить. Она и сама не носила платок. Её рыжие волосы лежали на плечах, и каждый раз, когда я видела их, мне хотелось отвернуться — не из-за цвета, а из-за злости, которую я не умела прогнать.

— И чем же эта пара провинилась в ваших глазах? — спросила я.

Слова сорвались раньше, чем я успела их удержать. Милена слегка напряглась рядом. Я понимала, что снова задела Айсу, но отступать не собиралась.

Айсу посмотрела на меня. Её лицо почти не изменилось, но взгляд стал острее.

— Не слишком ли у тебя длинный язык стал?

Я усмехнулась, стараясь не повысить голос.

— Не длиннее вашего, не переживайте.

Мне следовало остановиться. Я знала это. Но иногда язвительность казалась единственным способом защититься от чужого превосходства.

— Ты неблагодарная…

Я заметила, как Милена едва заметно тронула меня за рукав. Она просила не продолжать. Я уже собиралась ответить, но тут заиграла музыка, и ведущий начал говорить в микрофон. Голос разнёсся по залу, заглушая слова Айсу. Я ничего не ответила. Лишь поправила край вуали и снова посмотрела на молодожёнов.

***

Прошло почти три часа. Праздник всё продолжался: гости танцевали, музыка сменяла музыку, а подносы с едой то появлялись, то исчезали. Я старалась поддерживать беседу, улыбаться и не думать о долгой дороге обратно. Милена, казалось, чувствовала себя отлично. Она успела полюбоваться несколькими гостями, попробовать почти все сладости и рассказать мне, кого из знакомых видела.

Я же всё чаще ловила себя на том, что смотрю на часы. В зале было жарко и шумно. Голова начинала болеть от разговоров, а вуаль неприятно касалась лица. Я откинулась на спинку стула и потерла пальцами висок.

— Равана, не хочешь отойти в уборную? — спросила Милена.

Я с благодарностью взглянула на неё. Она заметила моё состояние раньше, чем я успела пожаловаться.

— Да, было бы хорошо.

Мне хотелось хотя бы на несколько минут оказаться в тишине, где не нужно улыбаться и следить за каждым движением.

Мы сообщили Эсмире, что ненадолго отойдём, и направились к уборной для женщин. С нами пошла Зара — наша домработница, хотя в семье её давно считали почти родной. Она знала этот дом и наши привычки лучше многих родственников. Зара помогала Эсмире, заботилась о нас, когда мы были маленькими, и всегда умела незаметно оказаться рядом, если кому-то требовалась поддержка.

Чтобы попасть в уборную, нужно было пройти по коридору, где мужчины выходили покурить и поговорить в тишине. Мы направились туда вместе. Музыка за стеной звучала глуше, а под ногами лежал длинный ковёр с тёмно-красным узором. По стенам мерцали небольшие светильники, отражаясь в высоких зеркалах. Коридор почти опустел. Вдали слышались голоса, но рядом никого не было.

Мы вошли в женскую уборную. Здесь было светло и прохладно. Стены облицовывала белая плитка с золотистыми прожилками, у зеркал стояли флаконы с ароматной водой, а на мраморной столешнице лежали сложенные полотенца. Милена шумно выдохнула и улыбнулась.

— О боже, тишина.

Я прислонилась к раковине и прикрыла глаза. Мне казалось, будто только сейчас я поняла, насколько устала от музыки и чужих голосов.

— Согласна. От голоса ведущего у меня уже голова кружится, — поддержала я её.

Я едва слышно рассмеялась. Усталость не исчезла, но рядом с Миленой даже шумный день становился легче.

Милена отошла к зеркалу, а Зара осталась у двери, проверяя, всё ли в порядке. Я сняла вуаль и на секунду посмотрела на своё отражение. Лицо раскраснелось от жары, на лбу прилипла тонкая прядь. Я поправила платок, собрала ткань у подбородка и снова прикрыла лицо.

Только тут я поняла, что оставила сумку на скамье в коридоре. В ней лежал платок для волос, маленький флакон духов и несколько необходимых мелочей. Я попросила Милену подождать, но она, увлечённая зеркалом, только кивнула. Зара пошла со мной, однако остановилась у выхода в коридор, пропуская меня вперёд.

Я быстро направилась к скамье. Но на ней ничего не было. Ни моей сумки, ни даже платка, который я могла оставить рядом. Я посмотрела по сторонам. Коридор всё ещё казался пустым.

Я проверила под скамьёй, оглядела ближайшую нишу и остановилась. Может быть, кто-то переложил сумку? Или её забрал официант, решив, что она забыта? Я уже собиралась вернуться и попросить Зару помочь, когда за спиной раздался грубый мужской голос:

— Это ищете?

Я вздрогнула. Голос прозвучал так близко, что на секунду я перестала дышать.

Я резко обернулась и тут же ударилась о мужчину, стоявшего позади. От неожиданности я потеряла равновесие. Пол качнулся под ногами, и я уже приготовилась упасть, но незнакомец удержал меня за талию.

Время словно замерло.

Я подняла голову. Передо мной были тёмные, жёсткие карие глаза. Мужчина смотрел прямо на меня — пристально, почти сердито. Я не знала, кто он, и не понимала, почему его взгляд заставил меня забыть, зачем я вообще вышла в коридор.

Вуаль соскользнула с лица. Я завязала её слишком свободно, и теперь ткань едва держалась у виска. Мужчина, казалось, заметил это, но ничего не сказал. Его рука всё ещё придерживала меня, не позволяя упасть.

Я резко отстранилась. Сумка была у него в другой руке.

— Прошу прощения.

Щёки вспыхнули. Я не знала, покраснела ли от неловкости или от злости на себя за то, что позволила незнакомцу увидеть моё лицо. Но едва успела подумать об этом, как сердце вновь забилось так громко, будто весь коридор мог его услышать. Глава 2

Глава третья

Арсен

— Прошу прощения, — первой заговорила незнакомка.

Она поспешно отступила от меня, будто между нами внезапно выросла невидимая стена. Я окинул её взглядом с головы до ног. Хрупкая, маленькая — рядом со мной она казалась почти беззащитной. На лицо упала вуаль, и девушка быстро поправила её, но ткань всё равно сползла, открыв тонкие брови и карие глаза, аккуратно подведённые чёрной стрелкой.

Я видел красивых женщин. Видел тех, кто умел пользоваться своей красотой и не стеснялся этого. Но в ней было что-то другое: не показная уверенность, а тревожная, почти детская невинность. От этого она казалась ещё заметнее.

Чёрт. Никогда не видел такой красоты.

— Я могу забрать свою сумку? — спросила она тихо.

Испуганный голос не соответствовал её прямому взгляду. Она старалась держаться спокойно, но пальцы крепко сжимали край рукава. Меня, однако, занимал совсем другой вопрос: что она делает здесь одна?

Я сжал ладонь, сдерживая раздражение. В коридоре становилось всё шумнее: из зала доносились музыка, громкие тосты и тяжёлый мужской смех. Скоро сюда потянутся гости, которым будет плевать на то, что перед ними девушка из уважаемой семьи.

— Можешь, — ответил я ровно, но властно. — Только сначала ответь на один вопрос.

Она удивлённо подняла глаза. В них мелькнуло беспокойство, но она не отвела взгляда. Я заметил, как под вуалью дрогнули её ресницы.

— Если кто-то нас здесь увидит, подумают… — начала она и запнулась. — Верните мою сумку, и я уйду.

Её попытка поставить условие вызвала у меня короткую усмешку. Она боялась меня, но всё равно пыталась диктовать правила. Неужели не понимает, что этим только разжигает моё любопытство?

— Замолчи, — бросил я.

Она вздрогнула. Плечи напряглись, однако глаза по-прежнему оставались на мне. Эта смесь страха и упрямства показалась мне неожиданно занятной.

— Почему ты была здесь одна? — спросил я. — С кем приехала? Где твой опекун?

Волнение сразу отразилось на её лице. Она опустила взгляд, и на щеках проступил румянец. Неужели смущается? Или боится, что я сейчас пойду разбираться с её родными? Я не собирался причинять ей вред, но ответа хотел добиться.

— Я здесь со своей семьёй, — произнесла она. — Просто отошла в уборную.

— Хорошо. — Я протянул ей сумку. — Кто твой опекун?

Её лицо изменилось. Не просто смутилось — напряглось, словно я произнёс что-то, чего она боялась услышать.

— Пожалуйста, не говорите отцу.

Я задержал на ней взгляд. Просьба была тихой, почти отчаянной. Мне захотелось узнать, почему она так боится отцовского гнева. Но сначала нужно было выяснить, кто из её близких находится в зале.

— Я спрашиваю ещё раз: кто твой опекун? Кого мне позвать?

Она дрогнула и на секунду опустила глаза. Я уже собирался повторить вопрос, когда она ответила:

— Не нужно. Там Зара, наша помощница.

Я молча посмотрел на неё. Она осеклась, поняв по моему лицу, что этого мне мало.

— Мой брат здесь, — добавила она. — Но, пожалуйста, не надо. Он сильно меня отругает.

Её лицо изменилось. Румянец исчез, губы чуть приоткрылись. Теперь она смотрела на меня почти умоляюще.

— Имя, — коротко сказал я.

Она помедлила. Я следил за её лицом, стараясь понять, что удерживает её от ответа. Неужели она всё ещё надеялась, что сможет просто забрать сумку и исчезнуть?

— Руслан Караев.

Руслан? Завтра у нас переговоры с его семьёй. Я мысленно усмехнулся. Вот это совпадение. Маленькая незнакомка оказалась сестрой человека, с которым мне предстояло обсуждать дела наших семей.

Так-так. А это уже интересно.

Я наконец отпустил сумку, и она тут же прижала её к себе, словно опасалась, что я передумаю.

— Заходи внутрь. И не выходи, пока за тобой не придут.

Она не двинулась.

— Ты меня поняла?

Она кивнула, но всё ещё смотрела на меня настороженно. В её глазах словно читалось: «Кто ты такой, чтобы мне приказывать? » Я усмехнулся про себя. Когда-нибудь она узнает.

Потом она скрылась за дверью. Я остался в коридоре и прислушался. Щёлкнул замок — осторожно, без лишнего шума.

Я направился обратно в зал. Шум встретил меня сразу: музыка стала громче, гости теснились у столов, кто-то выкрикивал очередной тост. В центре зала танцевали пары. Праздник продолжался, будто за его пределами ничего не происходило.

У входа меня заметил Мурад — мой сводный брат, глава клана и человек, которого многие за глаза называли дьяволом. Если меня считали зверем, то о нём говорили именно так. В нашей семье вообще было мало мужчин, которых можно было бы назвать спокойными или простыми.

— Что-то произошло?

Он всегда замечал, когда я возвращался не таким, как ушёл. Или ему просто нравилось знать всё, что происходит вокруг.

— Потом расскажу. Сейчас мне нужен Руслан. Не видел его?

— Караев?

Мурад переспросил так, будто в зале могло быть несколько Русланов Караевых. Я не стал комментировать.

— Да.

— Он по телефону разговаривает.

Я заметил Руслана в стороне от гостей. Он стоял у одного из высоких окон, отвернувшись от зала, и говорил негромко, но с той жёсткостью, которая не требовала повышать голос. Я направился к нему. Руслан увидел меня и закончил разговор.

— Арсен, — произнёс он, протягивая руку.

Рукопожатие было крепким. Ни один из нас не улыбнулся, но это не считалось невежливостью. Между мужчинами вроде нас приветствие редко нуждалось в улыбках.

— Добро пожаловать на свадьбу, — сказал я.

Я оглядел зал, словно только теперь заметил праздник. На самом деле мысли всё ещё были в коридоре.

Руслан кивнул.

— Ты хотел поговорить?

Он не терял времени на пустые любезности. Мне это нравилось: я тоже не любил ходить вокруг да около.

— Мне нужно, чтобы ты сходил за своей сестрой.

Руслан посмотрел на меня внимательнее.

— Не понял.

Я заметил, как его плечи едва заметно напряглись. Одно неверное слово — и этот разговор мог закончиться совсем не так, как я хотел.

— Девушка в изумрудном платке. Она с Миленой и Зарой отошла в женскую уборную.

— Равана. Что с ней?

В его голосе прозвучало предупреждение. Я спокойно выдержал его взгляд.

— Ничего. Она оставила сумку в коридоре, я нашёл её и вернул. Но там скоро станет людно. Мужчины выходят покурить, а часть гостей уже выпила. Я мог бы сам проводить её к вам, но ты знаешь, как это может отразиться на её чести.

Я не хотел, чтобы завтра кто-то пересказывал, будто видел Равану наедине с незнакомым мужчиной. Особенно если этим мужчиной был я.

Руслан молча смотрел на меня. Несколько секунд между нами стояла тишина, наполненная музыкой и чужими голосами.

— Благодарен, что сказал, — произнёс он наконец. — Я сейчас пойду. Увидимся завтра.

Его слова прозвучали сдержанно, но я понял: он принял мои объяснения. Пока этого было достаточно.

— Увидимся.

Руслан направился к коридору. Я наблюдал, как он растворяется среди гостей, а потом отвернулся. Мурад всё ещё стоял у колонны. Он успел заметить весь разговор и теперь изучал меня с едва заметной усмешкой.

— Сестра Караева? — спросил он.

Я знал, куда он клонит. Мурад никогда не упускал возможности поддеть меня.

— Да.

— И ты вдруг решил о ней позаботиться?

Его улыбка стала шире. Я взял со стола бокал и сделал вид, что не замечаю насмешки.

— Она была одна в коридоре. Это не забота, а здравый смысл.

— Конечно.

Он явно мне не поверил. Я не стал тратить время на объяснения: самому себе я пока тоже ничего не объяснил.

В бокале был крепкий алкоголь. Я выпил залпом, не смакуя. По горлу прошёл жар, но мысли он не заглушил. Наоборот, они стали яснее. Равана. Её встревоженный голос, румянец на щеках, взгляд из-под сбившейся вуали. То, как она отступила от меня, но не отвела глаз.

Я снова посмотрел в сторону коридора. Руслана пока не было видно.

«Ты не сможешь сбежать от меня, маленькая фея».

Эта мысль пришла сама собой — и мне понравилась. Я ещё не знал, что именно собираюсь сделать. Но уже понимал: обычным знакомством всё не закончится. Завтра мы встретимся снова, а значит, у меня будет возможность увидеть её без спешки, услышать её голос и понять, что скрывается за этой невинной внешностью.

«Ты будешь моей».

Я сделал ещё один глоток и позволил себе улыбнуться. Вокруг смеялись гости, гремела музыка, звучали поздравления. Никто не замечал, что для меня вечер уже перестал быть просто свадьбой.

Мне хотелось увидеть её без платка. Хотелось узнать, как она поведёт себя, когда перестанет бояться и начнёт смотреть на меня по-другому. Если под изумрудной тканью скрывалась такая красота, я уже представлял, насколько прекрасной она окажется, когда перестанет прятаться.

И я знал: в течение двух недель она будет лежать рядом со мной, прижавшись ко мне во сне. Я буду смотреть на неё и боготворить её тело.

Глава четвертая

Равана

Вот черт.

Кто бы мог подумать, что поход за сумкой обернётся таким позором? Я остановилась у двери женской уборной и крепче прижала сумку к себе. Страх всё ещё не отпускал. Незнакомец оказался огромным, мрачным и таким грозным, что рядом с ним даже коридор будто стал теснее.

Я медленно выдохнула, пытаясь унять дрожь в пальцах. Он сказал, что позовёт Руслана. Теперь брат наверняка будет сердиться: сначала я потерялась, потом умудрилась оказаться в коридоре одна, а в довершение всего заставила незнакомца вмешаться.

Надо было оставить эту сумку на скамейке. Ничего бы с ней не случилось.

Милена стояла у зеркала и изучала моё лицо через отражение. Она сразу заметила, что со мной что-то не так.

— Ты в порядке? — спросила она.

По моему виду и так понятно, что нет. Но я не могла сердиться на Милену за заботу.

— Нет. Какой-то незнакомец сейчас позовёт Руслана за нами.

Милена оторвалась от зеркала и повернулась ко мне.

— Погоди, что? Кого позовёт?

Я и сама уже запуталась в том, что произошло. Всё случилось так быстро, что теперь воспоминания смешивались: сумка, коридор, его голос, его тяжёлый взгляд.

— Руслана. Он сказал, что позовёт его сюда.

— Кто кого позовёт, Равана? Ты меня запутала.

Милена нахмурилась. Ей нужны были подробности, а мне хотелось только забыть встречу.

— Я не знаю, кто он, — выпалила я. — Но он такой устрашающий! Я оставила сумку на скамейке и собиралась забрать, а он вдруг появился. Начал грубить: почему я одна, где моя семья… А потом сделал вид, будто заботится обо мне. Сказал, что скоро сюда выйдут пьяные мужчины.

Слова посыпались одно за другим. Я обхватила себя руками, пытаясь унять дрожь. В голове снова возникло его лицо: спокойное, суровое, с глазами, от которых хотелось либо отступить, либо возразить ему назло.

Наверное, ему даже понравилось, как сильно он меня напугал.

Милена подошла и обняла меня за плечи.

— Успокойся. Ты уже в безопасности.

Её объятия немного помогли, но раздражение никуда не исчезло.

— Не могу! Он меня выбесил. Никогда ещё так никого не ненавидела. Кто он вообще такой, чтобы разговаривать со мной подобным тоном?

Милена внимательно посмотрела на меня. В её глазах мелькнуло любопытство, словно она уже строила догадки.

— Не знаю, — вздохнула она.

Она явно хотела спросить, был ли он красивым. Я бы ответила, что это не имеет значения. И сама бы себе не поверила.

В этот момент из одной из кабинок вышла Зара. Она застегнула сумочку и посмотрела на нас с лёгким недоумением.

— Я что-то пропустила?

Как объяснить всё коротко, чтобы снова не переживать это с начала?

Мы с Миленой одновременно покачали головами. Зара не стала настаивать, но бросила на меня внимательный взгляд.

— Равана, ты побледнела. Тебе нехорошо?

Конечно, нехорошо. Но не хотелось превращать небольшую неприятность в целое происшествие.

— Всё в порядке, — ответила я. — Просто немного испугалась.

Мой голос прозвучал увереннее, чем я себя чувствовала. Зара хотела что-то сказать, но в её сумке зазвонил телефон. Она достала его и ответила почти сразу.

— Слушаю, господин Руслан.

Вот и всё. Незнакомец выполнил обещание. Сейчас брат войдёт сюда и начнёт расспрашивать, почему я ушла одна.

Зара внимательно слушала, изредка кивая.

— Да, мы сейчас выйдем, — сказала она и завершила звонок.

Потом протянула нам руки. Милена взяла её под локоть, а я — свободную руку Зары.

— Руслан ждёт у выхода из коридора, — сообщила она. — Пойдёмте вместе.

Хотя бы не придётся идти туда одной. Мне совсем не хотелось снова столкнуться с тем мужчиной.

Мы открыли дверь и вышли. Рядом действительно собралась толпа мужчин. Некоторые оживлённо разговаривали, кто-то держал в руках стакан, а один, пошатываясь, что-то громко объяснял приятелю. Я невольно вспомнила слова незнакомца и стиснула пальцы на руке Зары.

Пожалуй, насчёт этого он был прав. Но это не значит, что ему следовало командовать мной.

Руслан стоял чуть поодаль и сразу заметил нас. Его взгляд задержался на моём лице.

— Равана, ты в порядке?

В голосе брата не было привычной строгости, но я всё равно приготовилась к выговору.

— Да. Просто заблудилась.

— В следующий раз не выходи одна, — сказал он. — Попроси Зару или Милену пойти с тобой.

Так и знала. Он рассердился — пусть и не сильно. Но сейчас я не хотела спорить: слишком много людей смотрело в нашу сторону.

— Хорошо, — тихо ответила я.

Слово прозвучало послушно, хотя внутри я уже возмущалась: я всего лишь отошла в уборную.

Руслан чуть смягчился и взглянул на мою сумку.

— Всё нашла?

— Да. Один человек помог.

— Какой человек?

Я на миг замялась. Не хотелось рассказывать о незнакомце при всех, но и скрывать было бессмысленно.

— Тот, который позвал тебя.

Я произнесла это нарочно сухо. Пусть брат сам решит, благодарить его или нет.

Руслан кивнул, словно уже понял, о ком речь.

— Он поступил правильно.

Неужели Руслан считает, что тот мужчина был прав во всём? Я едва удержалась от недовольного вздоха.

— Может быть, — сказала я.

— Если он снова заговорит с тобой, не пугайся, — добавил Руслан. — Это Арсен.

Арсен. Значит, у пугающего незнакомца есть имя. Почему-то от этого он не стал менее пугающим.

Я ничего не ответила. Руслан коротко посмотрел на Зару, убеждаясь, что мы все вместе, а затем кивнул в сторону зала.

— Идите к девушкам. Начинается хна. Я подойду позже.

Я с облегчением согласилась бы на любое занятие, лишь бы не оставаться в коридоре.

— Хорошо, — сказала Зара. — Мы присмотрим за ними.

Руслан поблагодарил её взглядом и задержался, чтобы поговорить с мужчиной, стоявшим у колонны. Мы с Миленой и Зарой направились в зал.

Я старалась идти спокойно, хотя после встречи с незнакомцем всё ещё чувствовала себя неуютно. Чем ближе мы подходили к праздничному залу, тем громче становилась музыка. Внутри уже подготовили место для обряда хны: в центре сидела невеста в нарядном платье, вокруг неё кружились девушки в праздничных нарядах, а на столике стояли украшенные блюда и миска с хной.

Милена наклонилась ко мне и заговорила вполголоса:

— Этот Миран меня пугает, Равана.

Я проследила за её взглядом. В стороне стоял мужчина, с которым только что говорил Руслан. Высокий, хорошо одетый, с таким же тяжёлым выражением лица, как у многих мужчин из наших семей.

— Не глупи, — шепнула я. — Отец не отдаст тебя за него. Ему тридцать два.

Мне хотелось её успокоить. Возраст и репутация Мирана не казались достаточным поводом для паники, хотя сама Милена смотрела на него так, будто он уже вынес ей приговор.

— Тогда зачем он сказал своей сестре, чтобы она следила, с какими парнями я общаюсь?

На этот раз я не нашла ответа. Слова Милены звучали тревожно, а сама она явно давно об этом думала.

— Может, он просто беспокоится о сестре, — предположила я.

— Но его сестра следит именно за мной, — возразила Милена. — Это странно.

Она была права. Я не знала, что сказать, и лишь крепче взяла её под руку.

— Потом поговорим. Сейчас не хочу портить тебе праздник.

Милена слегка улыбнулась, но тревога в её лице не исчезла.

— Ты всегда так говоришь, когда сама не знаешь, что ответить.

Я рассмеялась — тихо и немного виновато. По крайней мере, эта шутка отвлекла её на несколько секунд.

— А ты всегда задаёшь вопросы, на которые никто не знает ответа.

Мы подошли к девушкам. Невесту посадили на почётное место в центре, украсив вокруг неё пространство свечами и цветами. Её подруги расположились рядом, а остальные гостьи занимали места полукругом. Над головами мерцали лампочки, скрытые среди лёгкой ткани. Свадебная музыка стала мягче и тише.

Ведущая подняла руку, призывая всех присесть.

— Девушки, сейчас начнётся обряд. Возьмите веера и, пожалуйста, не торопитесь. Каждая подойдёт по очереди.

Я заняла место рядом с Миленой. Веер был лёгким и красивым, с белыми перьями и тонким золотистым узором. От него пахло свежими духами и цветами.

Подруги невесты раздали веера остальным девушкам. Свет в зале немного приглушили, и под тихую мелодию невеста опустила голову. По традиции ей предстояло заплакать, а первая буква имени будущего мужа должна была остаться на её ладони. Потом ей закроют лицо красной вуалью, а каждая девушка подойдёт и обмакнёт палец в миску с хной.

Я знала этот обычай с детства. На других свадьбах всегда наблюдала за ним со стороны. Сегодня же мне предстояло участвовать самой, и почему-то даже привычный обряд казался непривычным.

Милена раскрыла веер и стала медленно обмахиваться.

— Как думаешь, она заплачет?

Я посмотрела на невесту. Та внимательно слушала ведущую и держалась спокойно, но губы у неё чуть дрожали.

— Думаю, да. Все вокруг ждут, что она заплачет, — ответила я.

— Вот именно. Иногда на свадьбе от тебя ждут столько чувств, что даже не знаешь, какие из них настоящие.

Слова Милены заставили меня замолчать. Возможно, она думала о Миране. Возможно, просто о самом обряде.

— Главное, чтобы она была счастлива, — сказала я.

Невеста и правда выглядела тронутой. Когда ведущая произнесла первые слова традиционной песни, она опустила лицо и вытерла глаза кончиками пальцев. Кто-то из её родственниц тихо заплакал. В зале стало тише: даже шумевшие у столов мужчины на время замолчали.

Мне стало жаль невесту. Все смотрели на неё, будто она должна была сыграть роль в старой красивой истории. Я надеялась, что её собственная история окажется хорошей.

К невесте подошла старшая женщина и нанесла хну на ладонь, нарисовав первую букву имени жениха. Затем лицо невесты закрыли красной вуалью. Алый цвет ярко выделялся на фоне её светлого платья.

Ведущая обернулась к девушкам.

— Теперь, пожалуйста, по одной подходите к невесте. Обмакните палец в хну и пожелайте ей счастья.

Очередь медленно продвигалась. Я следила за ней и всё время чувствовала, что кто-то находится у меня за спиной или сбоку. Но стоило повернуться, как я видела лишь гостей.

Милена подтолкнула меня локтем.

— Ты сегодня какая-то задумчивая.

Если бы она знала, сколько раз я за вечер уже вспоминала одного и того же человека.

— Просто устала.

— Из-за незнакомца?

— Не называй его так. Его зовут Арсен.

Милена посмотрела на меня с хитрой улыбкой.

— Значит, ты всё-таки запомнила его имя.

Я тут же пожалела, что сказала. В её голосе прозвучало то самое любопытство, которого я боялась.

— Руслан сказал, — ответила я. — Это не значит, что он мне интересен.

— Я ничего такого не говорила.

Она улыбалась слишком выразительно для человека, который ничего такого не говорил.

— Вот и не говори.

Милена негромко рассмеялась и отвернулась к церемонии. Я снова посмотрела на невесту. В её руке блестела хна, а красная вуаль скрывала лицо. Девушки подходили одна за другой, наклонялись к ней и оставляли на ладони маленькие следы.

Наконец очередь дошла до меня. Я поднялась, поправила рукав и сделала шаг вперёд. Ведущая подала мне небольшую чашу. Я опустила в неё кончик пальца и посмотрела на невесту.

— Счастья тебе, — прошептала я.

Пусть эта ночь станет началом чего-то светлого. Пусть ей не придётся бояться завтрашнего дня.

Я оставила отпечаток на её ладони, поблагодарила ведущую и отступила, пропуская следующую девушку. Веер в моей другой руке слегка дрожал — то ли от волнения, то ли от усталости.

Я подняла голову.

И увидела его.

Арсен стоял по другую сторону зала, среди гостей, но казалось, что он не замечает никого вокруг. Его взгляд был прикован ко мне. Ни улыбки, ни приветствия — только пристальное внимание, от которого я снова почувствовала себя так, будто оказалась в том пустом коридоре.

Не смотри на него. Просто отвернись.

Я опустила глаза и сделала шаг назад. Милена что-то тихо сказала рядом, но я не разобрала слов. Мне нужно было вернуться на место, сесть рядом с ней и думать о церемонии, о невесте, о музыке — о чём угодно, только не о мужчине, который продолжал смотреть на меня.

Я отвернулась и постаралась не обращать на него внимания.

Глава Пятая
Равана

Нам раздали по свече — тонкой, белой, с маленькими золотистыми узорами на воске. Пламя дрожало от каждого движения, отражаясь в украшениях и стеклянных подвесках. Когда девушки выстроились в круг и зазвучала музыка, зал словно преобразился: всё вокруг стало мягким, золотым, чуть сказочным.

Тётя Эсмира стояла неподалёку и снимала нас на телефон. Она то приближала камеру, то отходила в сторону, стараясь захватить всех сразу.

— Девочки, улыбайтесь! Потом будете пересматривать и смеяться, — позвала она.

Улыбаться было нетрудно. Гораздо сложнее — не думать о том, как сильно у меня болят ноги.

Рядом с нами появилась Дениз, сестра Мирана. На ней было нежно-розовое платье, а белый платок аккуратно обрамлял лицо. Она улыбнулась нам и подняла свечу, присоединяясь к кругу.

— Какая красота! — сказала Милена, оглядев её наряд. — Тебе очень идёт этот цвет.

Милена умела находить слова для комплиментов даже тогда, когда сама уже мечтала поскорее снять туфли.

— Спасибо, — ответила Дениз. — Я долго не могла решить, что надеть.

Она казалась спокойной и приветливой. Если бы не разговоры о Миране, я бы ни за что не подумала, что Милена его боится.

Мы медленно пошли по кругу. Свечи двигались вместе с нами, оставляя в полумраке золотистые следы. Пламя отражалось в зеркалах, в стеклянных украшениях, на блестящих тканях платьев. Музыка была негромкой, и от неё хотелось двигаться плавно, не спеша.

Я старалась сосредоточиться на свече в руке, но чувствовала на себе взгляд. Тот самый — внимательный и тяжёлый. Я посмотрела украдкой в сторону гостей и снова заметила Арсена.

Он не разговаривал ни с кем и не отвлекался на происходящее. Просто смотрел на меня. Казалось, даже в толпе он видел только меня.

Чёрт. Что ему от меня нужно?

Я отвела глаза и продолжила идти. Может, если не смотреть в его сторону, я перестану ощущать его внимание. Но стоило сделать очередной круг, как взгляд снова находил меня.

— Сколько ещё кругов? Я уже устала, — пробормотала Милена, переступая с ноги на ногу. — Эти каблуки меня погубят.

Я улыбнулась. Кажется, не у меня одной обувь превратила этот вечер в испытание.

— Потерпи немного, — ответила я. — Скоро закончим.

— Ты говоришь это уже давно.

Она произнесла это с таким укором, будто я сама придумала обычай и теперь заставляла её ходить по кругу.

— Я не знала, что свечной обряд такой долгий.

— Если бы знала, надела бы туфли на плоской подошве, — вздохнула Милена.

Я едва не рассмеялась, но сдержалась: свеча в руке дрогнула, и я поспешно выровняла её.

Ведущая попросила нас идти медленнее. Тётя Эсмира продолжала снимать, а кто-то из девушек тихо напевал мелодию. Дениз шла рядом с нами и время от времени поправляла рукав.

— У тебя красивое платье, Равана, — сказала она.

Я удивилась: не ожидала, что она обратится ко мне. Но её улыбка была искренней.

— Спасибо. Твоё тоже очень красивое.

— Мы с Миленой часто виделись раньше, — сказала Дениз. — Я рада, что сегодня снова встретились.

Милена кивнула, но её улыбка вышла осторожной.

— Да, давно не виделись, — ответила она.

Я заметила, что Милена старается не смотреть в сторону Мирана. Он разговаривал с мужчинами у дальнего края зала и казался совершенно спокойным. Дениз тоже ничего не сказала о брате. Мы продолжили движение в круге, и разговор на этом закончился.

Я снова почувствовала на себе взгляд Арсена. На этот раз мне удалось не повернуть голову. Я смотрела вперёд, на спины девушек, на свечи, на мерцающие украшения.

Не обращай внимания. Он просто гость. Через несколько минут всё закончится, и мы уедем.

Я глубоко вздохнула и раскрыла веер. Движение получилось красивым и лёгким — почти таким же, как у девушек вокруг. На мгновение веер заслонил мне лицо, и я почувствовала себя защищённой.

Но стоило опустить его, как я опять увидела Арсена.

Разве ему не надоело смотреть?

Он стоял возле колонны, сложив руки на груди. В его позе не было ничего суетливого; казалось, он вообще не испытывал усталости. Тёмный костюм сидел на нём безупречно. Даже среди нарядных гостей он выделялся — не одеждой, а тем, как держался.

Я заставила себя отвернуться.

Время тянулось медленно. Свечи постепенно опустели, музыка сменялась, а круг всё продолжал двигаться. Девушки шептались, улыбались и обменивались короткими замечаниями. Кто-то уже снял туфли, кто-то осторожно придерживал подол платья. Милена всё чаще поглядывала на свои ноги.

Наконец ведущая поблагодарила нас, и обряд завершился. Девушки начали расходиться, передавая свечи помощникам. Я с облегчением поставила свою на стол и расправила пальцы — ладонь затекла от того, что я слишком крепко держала тонкую свечу.

— Наконец-то, — выдохнула Милена. — Если ещё немного, я бы ушла босиком.

Я тихо засмеялась. После долгого вечера эта угроза казалась вполне реальной.

— До машины осталось дойти на каблуках.

— Это уже отдельное испытание.

Она посмотрела на меня с таким несчастным видом, будто до выхода предстояло пройти целую гору.

Тётя Эсмира подошла к нам, убирая телефон в сумочку.

— Красиво получилось. Надеюсь, никто не моргал на видео.

Я улыбнулась: если кто-то и моргал, тётя Эсмира непременно переснимет всё при первой возможности.

— У меня глаза уже сами закрываются, — пошутила Милена.

— Вот поэтому надо было не пить столько чая, — ответила тётя Эсмира.

Милена взглянула на неё с деланным возмущением.

— Тётя, я выпила всего одну чашку.

— А жалуешься так, будто прошла пешком до дома.

Их перепалка развеселила меня. На пару минут я забыла об усталости и о том, что Арсен, возможно, всё ещё наблюдает за нами.

Но праздник подходил к концу. Гости стали прощаться, у дверей собирались семьи и помощники, кто-то искал свои вещи, кто-то просил вызвать машину. У меня ныла спина и горели ступни. Я сняла веер с запястья и прижала его к груди, надеясь, что так станет легче.

У порога стоял отец — Ахмед. Он разговаривал с несколькими мужчинами. Когда мы проходили мимо, он заметил меня и позвал:

— Равана, kızım, подойди сюда.

Я замедлила шаг. Отец не часто звал меня к себе посреди разговора с мужчинами, и я не понимала, что ему понадобилось.

Я посмотрела на Милену. Она слегка пожала плечами, и я направилась к отцу. Рядом с ним стоял пожилой мужчина, на вид лет пятидесяти пяти — может, чуть моложе. Он выглядел приветливым и улыбался мне.

— Это моя дочь Равана, — сказал отец.

Почему он представляет меня знакомым? Обычно отец не знакомит меня с мужчинами просто так. Я почувствовала лёгкое беспокойство, но постаралась не показывать его.

— Равана, это мой знакомый Джамал, — продолжил отец.

Я уважительно кивнула. Имя мне ничего не говорило.

— Ас-саляму алейкум, дядя.

Так учили здороваться со старшими — с уважением, даже если я встречала человека впервые.

— Ва алейкум ас-салям, дочка. Пусть Аллах благословит тебя, — ответил Джамал.

— Спасибо, дядя, — сказала я.

Он казался доброжелательным, но я всё равно старалась понять, почему отец решил познакомить нас именно сейчас.

Джамал улыбнулся и спросил, понравилась ли мне свадьба. Я ответила, что всё было очень красиво, а тётя Эсмира позвала меня обратно к остальным. Взгляд отца задержался на мне.

— Ты устала?

В его голосе появилась мягкость. Я с облегчением кивнула: хотя бы на этот вопрос не нужно было придумывать ответ.

— Немного. Мы долго танцевали.

— Потерпите ещё чуть-чуть. Скоро поедем.

Я снова кивнула. Но в этот момент заметила, как Халид вышел из зала вместе с тем самым незнакомцем.

Сердце неприятно кольнуло. Арсен. Теперь я знала его имя, но это не делало встречу менее неловкой. Он направился к нам, и Джамал заметил его первым.

— Арсен, сынок, подойди сюда.

Вот почему отец заговорил о нём? Я невольно напряглась, но старалась держать лицо спокойно.

Арсен приблизился. Его взгляд скользнул по Джамалу, затем остановился на мне. Я сразу опустила глаза и принялась теребить край рукава.

Не нервничай. Ты ничего плохого не сделала. Просто не смотри на него слишком долго.

— Здравствуйте, — произнёс отец.

Он поздоровался с Арсеном так, словно они давно знакомы. Значит, этот мужчина не случайный гость.

Арсен кивнул ему уважительно.

— Добрый вечер, Ахмед-ага.

Голос у него был ровный и низкий. Точно такой же, как в коридоре: спокойный, но будто не терпящий возражений.

Отец ответил на приветствие и повернулся к Джамалу. Они с Русланом собирались отойти по делам, и отец, похоже, решил оставить нас под присмотром Арсена.

— Нам нужно будет отойти с Джамалом и Русланом. Почему бы тебе не отвезти женщин к нам домой? — сказал отец Арсену. — Неуважительно будет, если они останутся в гостинице. Мы будем в нашем ресторане.

Я уставилась на отца, стараясь не выдать удивления. Значит, нам предстоит ехать с Арсеном? Только не это.

Арсен ответил сразу:

— Конечно.

Он даже не колебался. Будто уже знал, что согласится, прежде чем отец его спросил.

Я почувствовала, как пальцы снова начали дрожать. Милена заметила это и бросила на меня вопросительный взгляд.

Не знаю, что ей сказать. Я и сама не понимаю, как теперь выбраться из этой ситуации.

— Тогда всё решено, — сказал Джамал. — Не будем вас задерживать. Идите отдыхать.

Может, он и правда хотел проявить заботу. Но почему мне казалось, что вечер становится всё страннее с каждой минутой?

Отец кивнул, и мы отошли от мужчин. Я направилась к Милене, Заре и тёте Эсмире, которая ждала неподалёку. Когда я подошла, тётя внимательно посмотрела на меня.

— Что случилось?

Я не знала, что именно рассказать: что Арсен будет нас везти или что мне совсем не хочется оставаться с ним наедине?

— Всё нормально, — ответила я.

Слишком быстро. Тётя Эсмира прищурилась, но не стала расспрашивать.

— Если вы готовы, можем ехать, — произнёс Арсен за моей спиной.

Его голос заставил меня вздрогнуть. Я не заметила, как он подошёл.

Я повернулась и кивнула.

Тётя Эсмира, Милена и Зара направились к машине. Я последовала за ними, не зная, куда девать взгляд. Арсен шёл рядом, но не пытался заговорить. Это должно было меня успокоить. Вместо этого молчание делало его присутствие ещё заметнее.

У входа стоял чёрный «Мерседес». Арсен обошёл его и открыл передо мной пассажирскую дверь.

— Садись вперёд, — сказал он.

Я посмотрела на заднее сиденье, где уже устраивались остальные. Неужели он и правда хочет, чтобы я сидела рядом с ним?

— Но…

— Равана.

Он произнёс моё имя утвердительно, не повысив голоса. Но в этом тоне было столько решимости, что я не нашла слов для возражения.

Я посмотрела на Милену. Она ничего не сказала, только сочувственно улыбнулась. Зара уже села рядом с тётей Эсмирой.

— Всё хорошо, милая, — сказала тётя. — Мы будем сзади.

Её голос немного успокоил меня. Я глубоко вдохнула и села на переднее пассажирское место.

Арсен закрыл дверь и обошёл машину. Через мгновение он устроился за рулём. Я пристегнула ремень и украдкой осмотрела салон. Машина была просторной и роскошной: тёмная кожа, сдержанная подсветка, безупречная чистота. Внутри пахло дорогим парфюмом и чем-то свежим, напоминавшим кедр.

Его машина была такой же, как он сам: тёмной, строгой и немного пугающей.

Двери захлопнулись. Арсен завёл двигатель, и мы плавно выехали со стоянки. Я смотрела прямо перед собой и старалась держаться как можно спокойнее.

Ну, конечно. Почему бы ему не оказаться ещё и тем человеком, который будет везти меня домой?

— Осторожно на повороте, — сказала тётя Эсмира сзади. — После длинного вечера голова немного кружится.

Она всегда заботилась о нас, даже когда просто просила водителя ехать аккуратнее.

— Хорошо, — ответил Арсен.

Он не стал спорить. В машине его голос звучал мягче, но всё равно оставался властным.

Милена устроилась рядом с Зарой. Она выглядела уставшей и время от времени потирала ступни, стараясь незаметно снять напряжение с ног.

— Я больше никогда не надену такие каблуки, — пожаловалась она.

Я улыбнулась. Милена говорила это после каждой свадьбы, а потом снова выбирала самые красивые туфли.

— Ты так говорила на прошлой свадьбе, — напомнила Зара.

— Значит, на этой я решила проверить, правда ли, — ответила Милена.

На этот раз рассмеялась даже тётя Эсмира. Я тоже улыбнулась, и напряжение немного отступило.

Арсен не участвовал в разговоре. Он сосредоточенно вёл машину, следя за дорогой. Его руки уверенно лежали на руле. Я старалась не смотреть на него, но то и дело замечала движение пальцев, поворот головы, отблеск света на его часах.

Перестань разглядывать его. Он просто ведёт машину.

Молчание снова наполнило салон. Я сжала ладони на коленях и посмотрела в окно. Улицы медленно проплывали мимо. После яркого зала ночной город казался тихим и почти пустым.

Тётя Эсмира наклонилась ко мне с заднего сиденья.

— Милая, сними вуаль. Если долго её носить, у тебя начинается аллергия.

Я совсем забыла о вуали. Щёки под тканью уже зудели.

— Хорошо, тётя, — сказала я.

Я аккуратно потянулась к заколке, стараясь не задеть причёску. Ткань легко соскользнула с головы.

Я сложила вуаль на коленях и поправила волосы. Прохладный воздух коснулся лица. Я повернулась к окну, собираясь снова смотреть на улицу, но краем глаза заметила, что Арсен перевёл взгляд с дороги.

Он смотрит на меня?

Я застыла. Его глаза были устремлены прямо на мои губы. Не на отражение в стекле, не на дорогу — на меня. Я быстро отвела взгляд, но успела заметить, как он задержался на моём лице.

Почему он так смотрит?

Салон вдруг показался тесным. Я ощутила тепло собственных щёк и крепче сжала вуаль на коленях. Машина продолжала ехать, тётя Эсмира и Милена тихо переговаривались сзади, но их голоса звучали будто издалека.

Не думай об этом. Просто дыши.

Арсен снова посмотрел на дорогу. А моё сердце забилось быстрее.

Глава шестая

Арсен

Если красота может убить, то её красота позволит умереть за неё.

Я повторял эту мысль, пока вёл машину. Равана сидела рядом, отвернувшись к окну. За стеклом проплывали огни, и иногда их отблески ложились ей на лицо. Она смотрела на улицу, будто там было интереснее, чем в салоне.

Или просто не хочет смотреть на меня.

После того как она сняла вуаль, я почти не мог сосредоточиться на дороге. Пришлось заставлять себя следить за каждым поворотом и сигналом светофора. Равана, похоже, заметила мой взгляд. Она только крепче сжимала вуаль на коленях и продолжала смотреть в окно.

Я остановил машину у входа в поместье и заглушил двигатель. Вышел, обошёл автомобиль и открыл пассажирскую дверь.

— Приехали.

Она посмотрела на меня с недоумением, но ничего не сказала. Я отступил, давая ей выйти.

Равана не торопилась: дождалась, пока выберутся остальные женщины, и только тогда направилась к дому. Я пропустил их вперёд и пошёл следом. В холле уже зажёгся свет.

Дверь открыла Саида — наша домработница и, если спросить кого-нибудь из семьи, наша тётя. Она тепло улыбнулась гостям.

— Добро пожаловать в поместье Умаровых. Проходите, пожалуйста.

Женщины ответили ей улыбками и вошли. Равана остановилась у порога.

— Ас-саляму алейкум, тётя.

Саида сразу обняла её за плечи.

— Ва алейкум ас-салям, доченька. Проходи. Наверное, ты очень устала.

— Немного, — ответила Равана.

Она говорила тихо, но не робко. Саида ещё раз улыбнулась ей, а потом закрыла дверь.

Я вошёл последним. Мать сидела в гостиной. Увидев нас, она поднялась и поздоровалась, но её взгляд задержался на Раване и Милене дольше, чем требовалось. Потом она отвернулась и вернулась на диван.

Мать не любила гостей. Она никогда не считала нужным скрывать это.

Тётя Эсмира, однако, виду не подала.

— Добрый вечер. Спасибо, что приняли нас.

Мать ограничилась коротким кивком. К счастью, в комнату вошла Камила, мать Мурада. Она сразу направилась к женщинам.

— Мы очень рады вам. Пожалуйста, чувствуйте себя как дома.

— Спасибо, — ответила тётя Эсмира. — Вы очень любезны.

Камила указала гостям на диваны. Саида принесла чай и поставила поднос на столик. Равана поднялась, чтобы помочь ей.

— Вам нужна помощь?

— Нет, деточка, отдыхай, — ответила Саида. — Вы только вернулись после такого длинного дня. Я сама справлюсь.

Равана кивнула и снова села рядом с Миленой. Она выглядела уставшей: весь вечер на ногах, туфли на каблуках, долгий путь от гостиницы. И всё же первая предложила помощь.

Похоже, ей трудно просто сидеть, пока кто-то работает.

Из коридора вышла Нурана. Она поздоровалась со всеми и села рядом с Камилой. Следом появилась Амина. Ей было пятнадцать; как Равана и Милена, она покрывала голову платком. Девочка с любопытством оглядела гостей и тут же направилась к ним.

— Как вас зовут? — спросила она, усаживаясь рядом.

— Я Милена, а это Равана, — ответила Милена.

— Приятно познакомиться. Я Амина.

— Нам тоже, — сказала Равана.

Амина быстро завела разговор. Спросила, давно ли девушки знакомы, понравилась ли им свадьба и не слишком ли они устали. Милена отвечала охотно. Равана говорила меньше, зато внимательно слушала.

Мать наблюдала за ними с другого конца гостиной. Её лицо оставалось непроницаемым. Я не стал спрашивать, почему она так холодно встретила гостей. И так знал ответ: дом был её, и она не собиралась изображать радушие ради чужого мнения.

— Сынок, присаживайся, — сказала она, заметив меня у двери.

— У меня дела. Вернусь поздно.

Мать на мгновение подняла глаза.

— Хорошо.

Она не стала ни спрашивать, куда я еду, ни удерживать меня. Я взял ключи и вышел.

***

Полчаса спустя я вошёл в отдельную комнату нашего ресторана. Отец уже был там. За столом сидели Мурад, Ахмед, Руслан и Халид. Разговор, судя по всему, шёл давно: на столе стоял чай, а рядом лежали бумаги с условиями договорённости.

Я поздоровался со всеми и сел.

Руслан посмотрел на меня.

— Довёз?

— Да.

Его вопрос был простым, но за ним стояло беспокойство о сестрах. Он всё время следил за тем, чтобы Равану и Милену никто не обидел. Это было понятно. Не обязательно — удобно.

Ахмед положил ладони на стол.

— Ну так вы согласны?

— Да, — ответил я. — Но я хочу вашу другую дочь.

Все замолчали.

Ахмед посмотрел на меня, словно решил, что ослышался.

— О чём ты? Тебе Милена не понравилась?

— Нет. Я хочу жениться на Раване.

Руслан резко выпрямился. Его лицо изменилось — тревога сменилась недоверием.

— На Раване? — переспросил он.

— Да.

Я не стал объяснять, что именно привлекло меня в ней. Она весь вечер старалась держаться в стороне, но, когда замечала мой взгляд, не могла скрыть волнения. Её осторожность только разжигала моё любопытство.

Ахмед задумчиво провёл рукой по бороде.

— Я не знаю, как Равана отреагирует. Она слишком добродетельная.

Он говорил не о том, что не доверяет мне. Скорее, сомневался, готова ли дочь принять такое решение. Это была разумная тревога, но не причина отказываться от договорённости.

— Послушайте, — сказал я, — если вы хотите, чтобы сделка состоялась, вы выдадите за меня свою дочь. Вы знаете, люди Амира ждут любой нашей слабости.

Я произнёс это ровно. Уговаривать их не собирался. Все понимали, что союз важен для обеих семей. Сторонники Амира уже присматривались к нашим разногласиям и искали повод вмешаться.

Руслан сжал пальцы на столе.

— Равана не станет частью ваших сделок, если сама этого не захочет.

— Я не обсуждаю с тобой то, чего она захочет, — ответил я. — Я обсуждаю условия союза с её отцом.

Слова повисли в воздухе. Руслан хотел возразить, но Ахмед слегка поднял ладонь, останавливая сына. Мне не нравилось, когда разговор превращался в семейную ссору. У нас были вопросы важнее.

Мурад заговорил первым:

— Арсен прав. Если вы согласны на этот союз, вам придётся принять его условие.

Ахмед перевёл взгляд с Мурада на моего отца.

— Не переживай, Ахмед, — сказал отец. — Твоя дочь будет в надёжных руках.

Отец говорил спокойно. Он понимал, что подобные обещания не снимают всех сомнений, но счёл важным сказать это вслух.

Ахмед помолчал, затем коротко кивнул.

— Я доверяю вам, поэтому согласен.

Руслан всё ещё выглядел недовольным. Я его понимал. Если бы речь шла о моей сестре, я тоже захотел бы знать, кому её доверяют. Но понимание не означало, что я собирался менять своё решение.

— Только есть один нюанс, — сказал я. — Вы разделяете дочерей? Милену отдали без колебаний, а насчёт Раваны сомневались. Почему?

Я хотел услышать ответ от них самих. Не догадки и не пересуды.

Халид заговорил, подбирая слова:

— Дело не в том, что мы их разделяем. Милена всегда хотела замуж. Она много думала о свадьбе, представляла, какой будет её жизнь после неё.

Он сделал паузу и посмотрел на Ахмеда.

— Равана совсем другая. Она старалась держаться подальше от разговоров о браке. Мужчинам она не доверяет.

— Не доверяет совсем? — уточнил я.

— Она видит в мужчинах, как сказать… зверей, — ответил Халид.

Я невольно усмехнулся.

Значит, моя будущая невеста не так беззащитна, как казалось. Она не просто сторонится разговоров о браке — она заранее ждёт от мужчин худшего. Возможно, у неё были причины. Возможно, она просто не верила красивым словам. В любом случае, спокойной жизни мне не обещали.

Фея оказалась с характером. Посмотрим, как скоро она перестанет принимать меня за чудовище.

— И что, по-вашему, она сделает, когда узнает? — спросил я.

— Не знаю, — ответил Ахмед. — Но уверен, что она будет потрясена.

Он не пытался смягчить правду, и я это оценил. Сюрприз Раване не понравится. Она наверняка решит, что за неё всё решили. Значит, придётся дать ей время привыкнуть к новой мысли. Не из нежности — просто бессмысленно начинать семейную жизнь с открытого сопротивления.

— Хорошо, — сказал я.

Разговор был окончен. Старшие поднялись. Отец и Ахмед обменялись рукопожатием, за ними — остальные. Руслан пожал мне руку последним. Его ладонь была напряжена, а взгляд оставался настороженным.

Мурад задержался рядом со мной.

— Поздравляю, — сказал он. — Ты получил ту, от кого сегодня не смог отвести взгляд.

Я ухмыльнулся.

Глава седьмая

Равана

Солнечный луч пробрался сквозь шторы и упал мне на лицо. Я поморщилась, повернулась на бок, но свет всё равно не отступил. Пришлось открыть глаза.

В комнате было тихо. Милена лежала рядом, укрывшись одеялом почти с головой. Я осторожно толкнула её в плечо.

— Мила, просыпайся.

Надо встать, пока весь дом не проснулся. Иначе я снова буду чувствовать себя незваной гостьей.

— Дай поспать, — пробормотала она, как капризный ребёнок, и натянула одеяло выше.

Ей всегда легче притвориться, что проблемы исчезнут, если проспать подольше.

Я усмехнулась и поднялась. За окном только начиналось утро. Было около шести — мой любимый час. Я всегда просыпалась рано, даже когда могла поспать ещё. В тишине легче собраться с мыслями, а сегодня они были мне необходимы.

Комната, которую нам отвели, была уютной, но небольшой. Я огляделась в поисках двери в ванную и не нашла. Осторожно приоткрыла дверь в коридор и вышла.

В доме стояла непривычная тишина. Я двинулась по коридору, стараясь не шуметь. Несколько дверей были закрыты. За одной из них послышалось приглушённое шуршание, за другой — ни звука. Я не знала, куда идти, и остановилась у двери, оставленной приоткрытой.

Комната за ней была огромной. В серых оттенках, строгая и почти пустая. У стены стоял широкий письменный стол, рядом — высокий шкаф. А в центре комнаты находилась кровать таких размеров, что на ней, казалось, могло поместиться несколько человек.

Постель была аккуратно заправлена. Я заметила дверь в ванную и решила быстро умыться, пока никого нет. Стоило сделать шаг, как дверь распахнулась изнутри.

На пороге стоял Арсен.

Без футболки. В тёмных спортивных брюках, с влажными волосами и таким выражением лица, будто моё появление его нисколько не удивило.

Сердце застучало быстро и громко. Я отвернулась, не успев даже подумать.

Только не смотри. Не сейчас. Просто извинись и уйди.

— Я… извините. Я думала, здесь никого нет.

Голос дрожит. Надеюсь, он не заметил.

За спиной послышалось, как он поднимает с кресла одежду. Несколько секунд стояла тишина, затем он коротко сказал:

— Можешь повернуться.

Как будто я собиралась стоять так до вечера.

Я осторожно повернулась. Арсен уже надел футболку. Его лицо оставалось непроницаемым, а взгляд — тяжёлым. Он не выглядел смущённым, скорее раздражённым тем, что я оказалась у него в комнате.

— Почему ты здесь?

Он задаёт вопрос так, будто я специально искала его.

— Я не смогла найти ванную. Хотела умыться.

Наверное, сейчас я вся красная. И чем сильнее думаю об этом, тем хуже становится.

Он молча посмотрел на меня, затем кивнул в сторону ванной.

— Можешь воспользоваться.

Он говорит так спокойно, будто это приказ. Нет, я не хочу оставаться с ним здесь.

— Нет, спасибо. Я найду другую.

Я развернулась к двери. Не успела сделать и шага, как его пальцы сомкнулись вокруг моего запястья. Не больно, но крепко. Я замерла.

Не хватало ещё, чтобы он решил, будто может хватать меня, когда захочет.

— Ты всегда уходишь, когда я с тобой разговариваю, ***маленькая фея***?

Он говорит тихо, но от этого его голос кажется ещё страшнее.

Я попыталась высвободить руку. Арсен не отпустил.

— Отпустите.

Пожалуйста, не заставляй меня повторять.

Он несколько мгновений смотрел на меня, словно взвешивал мои слова. Потом разжал пальцы.

— Упрямая.

Я не упрямая. Я просто не хочу, чтобы он прикасался ко мне.

Он прошёл мимо, и от его присутствия воздух в комнате будто стал теснее. У двери Арсен задержался и обернулся.

— Добро пожаловать в мою семью, ***маленькая фея.***

В твою семью? Что он имеет в виду?

Я осталась стоять на месте. Он не стал объяснять. Просто вышел в коридор, оставив меня одну среди холодных серых стен.

Почему он так сказал? И почему у меня такое чувство, будто я уже знаю ответ, но боюсь его произнести?

Я медленно опустила взгляд на запястье, которого он только что касался. Кожа не покраснела, следа не осталось. И всё же мне казалось, что я до сих пор ощущаю его пальцы.

Ванная была прямо передо мной. Я могла бы воспользоваться ею, но больше не хотела задерживаться в его комнате. Вернулась в нашу спальню, умылась там холодной водой и тихо села на край кровати.

Милена всё ещё спала.

Я хотела разбудить её и рассказать, что только что произошло, но не смогла. Не знала, с чего начать. Арсен назвал меня маленькой феей. А ещё сказал — «добро пожаловать в мою семью».

Слова звучали слишком определённо. Слишком уверенно.

Неужели он уже знает что-то, чего не знаю я?

***

Прошло около полутора часов. За это время проснулась Милена, а Саида принесла нам завтрак и одежду, которую одолжила Нурана. Я надела чёрное платье. Оно оказалось немного тесновато в плечах, но сидело прилично. Нурана не покрывала волосы, поэтому её платок мне не подошёл. Я завязала тот, что был на мне накануне.

Милена надела синее платье и повязала вчерашний платок. Она долго возилась перед зеркалом, поправляя ткань у висков.

Мила старается выглядеть спокойно. Но я знаю её слишком хорошо.

— Как думаешь, здесь всегда столько людей за завтраком? — спросила она, пригладив рукав.

Она пытается говорить о мелочах, лишь бы не возвращаться к тому, что случилось накануне.

— Не знаю. Наверное, зависит от дня.

Мне тоже хотелось бы думать о завтраке, а не о словах Арсена.

Милена посмотрела на меня через зеркало.

— Ты сегодня какая-то задумчивая.

Не рассказывать ей? Но она сразу поймёт, что я что-то скрываю.

— Просто плохо спала.

Это не совсем ложь. Я действительно плохо спала, хоть и проснулась рано.

— Я тоже, — вздохнула Милена. — Всё здесь такое чужое.

Её слова задели меня. Дом и правда был чужим, но Саида и Камила старались сделать всё, чтобы мы этого не чувствовали.

Когда мы вышли в гостиную, там уже накрывали на стол. Саида раскладывала еду, а Зара помогала ей. Айсу и Сиена сидели поодаль и о чём-то тихо переговаривались. Их беседа прервалась, когда мы вошли.

Они снова о чём-то сплетничают. Может, сегодня найдётся тема поважнее.

Саида поставила перед нами тарелки.

— Садитесь, девочки. Сейчас всё будет готово.

Она обращается к нам так ласково, будто мы давно живём в этом доме.

— Спасибо, тётя, — ответила я.

Хорошо бы всегда можно было спрятаться в такой простой доброте.

Милена села рядом и огляделась.

— Здесь очень красиво.

Она пытается улыбаться, но её взгляд всё время возвращается к двери.

— Дом большой, — согласилась я.

И в нём легко потеряться. Даже ванную с утра не найдёшь.

Мы ещё не успели приняться за еду, когда со стороны прихожей послышались голоса. В комнату вошли мужчины. С ними были Али и Хусейн — сыновья Сиены. Али поздоровался со всеми, а Хусейн бросил быстрый взгляд на стол и уселся, будто не заметил остальных.

Он всегда такой беспечный? Или просто считает, что ему всё сойдёт с рук?

Следом вошли дядя Джамал и мой отец. За ними — Арсен, Мурад и Руслан. Халида среди них не было.

Арсен был одет в тёмный костюм. Увидев его, я невольно вспомнила его слова в спальне. Он скользнул по мне взглядом, но ничего не сказал и занял место во главе стола.

Он даже не станет объяснять, что имел в виду. Похоже, для него это нормально — сказать что-то важное и уйти.

— Присаживайтесь, дети, — сказал дядя Джамал.

Он говорит спокойно, но в этом голосе чувствуется, что он хочет объявить что-то серьёзное.

Все сели. Я устроилась рядом с Миленой. Саида поставила перед нами блины. Я поблагодарила её кивком и взяла вилку.

В этот момент в комнату вошёл Миран вместе со своим отцом, Якубом.

Милена мгновенно напряглась. Она так крепко сжала вилку, что побелели пальцы.

Почему Миран здесь? Ещё вчера он почти не обращал на нас внимания.

— Что они тут делают? — тихо спросила она.

Она тоже чувствует, что что-то не так. Кажется, я начинаю бояться ответа.

— Без понятия, — прошептала я.

Надеюсь, Якуб пришёл просто поговорить. Хотя почему-то сама себе не верю.

Саида наклонилась ко мне и положила на тарелку ещё один блин.

— Кушай, милая. Тебе нужно восстановить силы.

Саида старается отвлечь меня едой, но я едва могу проглотить кусок.

— Спасибо, — ответила я.

Если я сейчас откажусь, она начнёт волноваться. Лучше не надо.

Якуб улыбнулся всем за столом. Его лицо казалось доброжелательным, но улыбка не затронула глаз.

— Итак, у нас для вас две прекрасные новости.

Две новости? Почему тогда никто не улыбается?

Все повернулись к нему. Камила первой нарушила тишину.

— Что за новости?

Камила тоже не знает, что он собирается сказать.

Якуб посмотрел на дядю Джамала.

— Пусть Джамал расскажет.

Он перекладывает разговор на другого. Значит, новость не его — или он не хочет произносить её сам.

Дядя Джамал кивнул и обвёл взглядом стол.

— На следующей неделе у нас будет сразу две свадьбы.

Следующей неделе? Но о свадьбах никто ничего не говорил. Почему отец молчит?

Я застыла с вилкой в руке. Милена перестала дышать. В комнате было так тихо, что я услышала, как Саида отодвинула поднос.

Дядя Джамал продолжил:

— Мы попросили руку Раваны для нашего сына Арсена, а Милены — для нашего Мирана. Поздравляю вас, дети. Будьте счастливы.

Вот что имел в виду Арсен. Вот что означали его слова про семью.

Я посмотрела на него. Он сидел неподвижно, не отводя взгляда. Ни удивления, ни смущения — будто всё уже было решено и объявление стало простой формальностью.

Он знал. Всё это время он знал.

Моя вилка выскользнула из пальцев и упала на тарелку. Звон металла показался оглушительным. Я вздрогнула. Милена тоже. Её лицо побледнело.

Папа согласился. Но он даже не спросил нас.

Я перевела взгляд на отца. Он грустно кивнул, избегая моих глаз.

Он отдал нас, не спросив. Неужели он не понимает, что мы тоже имеем право выбирать?

Милена резко поднялась. Стул с грохотом отодвинулся от стола.

— Я хотела бы отвергнуть предложение господина Мирана. Он слишком стар для меня.

Мила, не надо. Пожалуйста, только не сейчас — они все смотрят на нас.

Руслан нахмурился.

— Милена.

Он пытается остановить её, одним словом. Но она уже не может молчать.

— Что, Милена? Брат, вы спросили нас?

Она говорит сквозь зубы. Никогда не видела её такой злой и испуганной одновременно.

— Я не обязан спрашивать тебя, — ответил Руслан.

Он правда считает, что решать за неё — его право?

Лицо Милены исказилось. Она развернулась и вышла из комнаты. Я вскочила следом. За спиной послышался голос отца, но я не разобрала слов.

Мне нужно быть рядом с ней. Сейчас больше ничего не важно.

Милена быстро дошла до двери и распахнула её. Затем с силой захлопнула за собой. Я нашла её в соседней комнате: она опустилась на колени и закрыла лицо ладонями.

— Нет! Нет! Нет! Только не он!

Я никогда не слышала в её голосе столько отчаяния.

Она заплакала. Я опустилась рядом и обняла её за плечи.

— Мила…

Не знаю, что сказать. Никакие слова сейчас не исправят то, что они сделали.

Милена прижалась ко мне, сотрясаясь от рыданий.

— Как они могли так поступить, Равана? Как?

Я не знаю, Мила. Я сама хочу спросить то же самое.

Я не ответила. Мне нечего было сказать. Я не понимала, почему отец согласился на это, почему никто не спросил нас и почему всё решили за одним столом, будто обсуждали не наши жизни, а условия сделки.

Я хотела утешить Милену, но сама едва держалась. Обняла её крепче, стараясь не показывать, как дрожат мои руки.

Я тоже боюсь. Просто сейчас ей нужнее моя поддержка.

В гостиной за стеной продолжали говорить взрослые. Их голоса доносились глухо и неразборчиво. Я не могла заставить себя вернуться. Не могла снова посмотреть на Арсена и сделать вид, что всё в порядке.

Только сейчас я по-настоящему осознала смысл слов, прозвучавших за столом: две свадьбы — на следующей неделе. Мою жизнь уже определили. Жизнь Милены тоже. А мы узнали об этом за завтраком, перед полными тарелками и чашками чая.

Как будто нам оставалось только кивнуть и принять.

Из моих глаз наконец скатилась слеза. Потом ещё одна. Я уткнулась лицом в плечо Милены и попыталась дышать ровно.

Но получалось только одно — сидеть рядом с ней, обнимать её и молчать.

Глава восьмая

Равана

Не знаю, сколько времени мы с Миленой просидели так — обнявшись, не в силах ни подняться, ни заговорить. Её тело продолжало дрожать. Я гладила её по спине и пыталась успокоить, хотя сама едва держалась.

Я не понимала, почему у неё такая реакция на Мирана. Она вернулась домой всего одним днём раньше и сразу заплакала, стоило ей услышать его имя. После каждой встречи с ним по ночам у неё начинались приступы паники. Милена вздрагивала от резкого звука, задыхалась, хваталась за меня и долго не могла успокоиться.

Я спрашивала, что произошло, но она каждый раз лишь качала головой.

Что он сделал с моей сестрой? Почему она боится его настолько, что не может произнести ни слова?

Дверь открылась. На пороге стояла тётя Эсмира. Увидев нас, она прикрыла рот ладонью. Глаза её наполнились слезами.

Она тоже не знает, как нам помочь.

— Мои девочки… — прошептала она и опустилась рядом с нами на колени.

Мама. Только её объятий сейчас мне и не хватало — чтобы почувствовать себя хоть немного в безопасности.

Тётя обняла нас обеих. Милена приподняла голову и посмотрела на неё покрасневшими глазами.

— Мама…

В её голосе столько боли. Я хочу забрать её у неё, но не могу.

— Отец же обещал не отдавать меня за него.

Она не спрашивала — скорее умоляла объяснить, как обещание могло ничего не значить.

Тётя Эсмира закрыла глаза и прижала Милену к себе.

— Знаю, принцесса. Я сама не понимаю, почему мужчины вдруг решили отдать вас за них. Я была удивлена, когда Арсен попросил твою руку, Равана.

Она удивилась не меньше нас. Значит, отец не советовался даже с ней.

— Я не понимаю… зачем я ему? Что этому зверю нужно от меня?

Мне страшно услышать ответ. Но ещё страшнее — остаться в неведении.

— *Ты*. Ты нужна мне.

Голос Арсена раздался из дверного проёма. Я резко поднялась. Милена и мама тоже встали.

Он пришёл за мной. Даже здесь я не могу спрятаться от него.

Арсен стоял, опираясь плечом о косяк. На его лице не было ни тени смущения. Только холодное внимание, от которого мне захотелось отступить.

— Я хотел бы поговорить с Раваной наедине.

Он говорит так, будто уже решил, что все ему уступят.

— Нет.

Я сказала это. Не прошептала, не проглотила слова. Нет.

Его взгляд потемнел. Он медленно выпрямился.

— Я не ослышался? Ты сказала мне «нет»?

Его голос стал тише, и от этого страшнее. Я знала: он привык, что люди слушаются.

— А что, тебе впервые отказывают? Я повторю ещё раз: я не останусь с тобой наедине.

Сердце колотится так сильно, что я едва слышу собственный голос. Но я не отступлю.

Арсен шагнул в комнату.

— Понизь тон, девочка.

От его злого голоса меня пробрала дрожь. Я заставила себя не отвести взгляд.

Тётя Эсмира посмотрела на него, затем на меня. Милена стиснула мою ладонь. Я чувствовала, как она снова начинает дрожать.

— Не надо, — тихо попросила она.

Мила боится. Не за себя — за меня.

Арсен повернул голову к ним.

— Оставьте нас.

Он даже не повысил голос. Ему не нужно было кричать, чтобы его слушались.

Тётя не двинулась.

— Равана не хочет оставаться одна.

Спасибо, мама. Хоть кто-то спросил меня, чего хочу я.

Арсен перевёл на неё взгляд.

— Я сказал: оставьте нас.

В этой комнате сразу стало холоднее. Он не просит и не объясняет — просто произносит решение.

Тётя сжала руку Милены. Несколько секунд она смотрела на меня, словно ждала знака. Я едва заметно кивнула. Не хотела, чтобы Арсен направил на них свой гнев.

Я справлюсь. По крайней мере, не позволю ему напугать Милену ещё сильнее.

Мама увела Милену. Дверь закрылась, и я осталась с Арсеном. Не стала смотреть на него. Смотрела на край ковра, на узор у своих ног, на всё, кроме его лица.

— Что такое? Ты чем-то недовольна, ***маленькая фея?***

Он знает ответ. Ему хочется заставить меня произнести его вслух.

— Да. Тобой. Как ты смеешь просить мою руку? Ты даже не знаешь меня.

Вот оно. Наконец я сказала то, что не давало мне покоя.

— И?

Его равнодушие оказалось хуже спора. Будто мои слова ничего не значат.

— Что значит «и»? Разве ты не хочешь жениться на той, кого знаешь?

Я хочу услышать хоть какое-то объяснение. Неужели ему правда всё равно, кто будет рядом с ним?

Арсен смотрел на меня без улыбки. Его неподвижность казалась пугающей: ни раздражения, ни сомнения — только уверенность человека, который уже всё решил.

— Мне достаточно твоей внешности.

Я надеялась услышать ложь. Получила правду — грубую и жестокую.

Я сжала пальцы, стараясь скрыть, как они дрожат.

— Тогда любуйся издалека, господин Арсен. Я никогда не позволю тебе прикоснуться ко мне. Никогда.

Пусть знает: я не стану молча принимать всё, что он решит.

Он чуть склонил голову. Его взгляд будто задержался на каждом моём слове.

— Думаешь, твои слова меня остановят, Равана? Мне плевать на твои чувства. Я же зверь, забыла? Чувств у меня нет. И твои меня не волнуют. Ты всё равно будешь моей женой. Хоть отправишься в ад — я последую за тобой, маленькая фея.

Он произнёс это так спокойно, словно говорил о погоде. От спокойствия его угрозы стали настоящими.

— Ты прикоснёшься ко мне только в том случае, если ад замёрзнет.

Я сама не знала, откуда взялась смелость. Возможно, от страха — он уже не мог стать сильнее.

— Тогда я сделаю всё, чтобы он замёрз. Хочешь поиграть в недотрогу? Я подыграю. Я сделаю так, что ты будешь хотеть меня каждый божий день.

Он серьёзен. Каждое слово — не пустая бравада. Я вижу это в его глазах.

Я посмотрела на него. Он говорил так, словно уже знал, чем всё закончится. Но мой ответ оставался прежним.

Нет.

***

Прошла неделя.

Семь дней, в течение которых наша жизнь будто принадлежала кому-то другому. Мы с Миленой не возвращались домой и оставались в гостинице. Отец за всё это время ни разу не пришёл к нам. После того самого завтрака я видела его лишь вдалеке — он говорил с мужчинами и не пытался встретиться с нами взглядом.

Миран приходил почти каждый день. Каждый раз просил Милену поговорить с ним. Она молчала и уходила в другую комнату. Иногда даже не поднимала на него глаз.

Может, молчание — единственное, что пока помогает ей удержаться.

— Он опять пришёл, — сказала Милена однажды, услышав знакомый стук.

Её голос дрогнул. Ей не нужно уточнять, кого она имеет в виду.

— Я не открою, если ты не хочешь.

Я встану между ними, если понадобится.

Милена покачала головой.

— Пусть подождёт. Я не обязана с ним разговаривать.

Хорошо. Хотя бы это решение она смогла принять сама.

В тот день Миран так и ушёл, не добившись разговора. В следующий раз повторилось то же самое.

Я почти не разговаривала с Арсеном. Он не приходил к нам в комнату, а я не искала встречи. Но его слова не уходили из памяти. Иногда мне казалось, что он стоит за дверью. Я вздрагивала от шагов в коридоре и сердилась на себя за эту слабость.

Теперь был день никаха. Двойного никаха, который должен был состояться здесь, в гостинице. Сначала — мой с Арсеном. Потом — Милены с Мираном. А свадьбу назначили на следующую неделю.

Неделю назад я ещё не знала, что этот день наступит. Сегодня же мне придётся произнести слова, которые изменят всю жизнь.

Я стояла перед зеркалом. На мне было белое платье, а платок аккуратно закрывал волосы. Милена оделась рядом. Её руки дрожали, пока она поправляла рукав.

Я хочу быть сильной ради неё. Но как быть сильной, если страшно нам обеим?

Дверь открылась. В комнату вошёл отец. Он остановился, увидев нас. На его лице появилось что-то похожее на горечь.

— Какие вы красивые, — сказал он грустным голосом. — Если это возможно, простите меня. Наши враги близко, и я не могу рисковать никем.

Не рисковать никем? Но именно нас он решил отдать под риск.

— Поэтому нами решил рискнуть? — спросила я.

Я не хотела говорить резко. Но мягко уже не получалось.

Отец посмотрел на меня.

— Равана…

Он не ответил. Просто назвал моё имя, будто этого достаточно.

— Ты даже за эту неделю не пришёл к нам, отец. Ничего не объяснил. Мы, возможно, поняли бы, если бы ты рассказал нам, а не сделал всё за нашими спинами.

Я хочу, чтобы он понял: больно не только из-за замужества. Больно, что он не доверился нам.

Отец опустил глаза. В них отразилась боль, и на миг мне захотелось забрать свои слова назад. Но они были правдой. Он должен был их услышать.

Милена покачнулась и ухватилась за край стола.

Нет. Ей опять плохо.

— Почему?.. Почему он, папа? — спросила она и заплакала. — Почему никто другой? Почему Миран?

Ей не нужен общий ответ. Она хочет знать, почему именно тот человек, которого она боится.

Отец сделал шаг к ней, но Милена отстранилась.

— Милена…

Она услышала его, но не повернулась. Я не стану заставлять её слушать.

— Я хочу знать. Почему?

Ей надоело, что от неё ждут покорности вместо объяснений.

Отец тяжело вздохнул.

— Он настаивал. Миран — главный советник. Многие прислушиваются к нему. Он мудрый человек.

Мудрый. Значит, так отец объясняет то, что отдал дочь человеку, которого она боится.

Милена коротко рассмеялась — горько и без радости.

— Мудрый, — повторила она.

Этот смех испугал меня сильнее её слёз.

Отец снова посмотрел на нас обеих.

— Пройдёт время, и вы будете счастливы, дети мои. Я ни на секунду не сомневаюсь в этих мужчинах.

Он верит в них. Но почему не поверил нам?

Он взял нас за руки. Милена попыталась высвободиться, но не стала спорить. Я не сопротивлялась: знала, что скоро нас позовут вниз.

Сейчас мы должны спуститься и улыбаться, словно всё уже решено по нашей воле.

Мы вышли из комнаты и направились на первый этаж. Там собрались обе семьи. Мужчины сидели напротив женщин; посередине ждал священник. Мурад сидел рядом с Арсеном. Миран держался чуть поодаль, не сводя глаз с Милены.

Мила заметила его. Её пальцы снова сжались вокруг моих.

Нас посадили напротив будущих мужей: меня — напротив Арсена, Милену — напротив Мирана. Арсен сидел прямо, сцепив руки перед собой. Он не улыбался. Его лицо было суровым, взгляд — тяжёлым и неподвижным.

Он смотрит на меня так, будто ждёт, что я уступлю.

Я отвела глаза. Священник поднялся и начал церемонию.

— Во имя Аллаха, мы собрались здесь, чтобы отметить великое событие. Пусть Аллах благословит вас и ваши семьи.

Слова звучат торжественно, но мне трудно думать о благословении, когда сердце сжимает страх.

Священник прочитал аяты из Корана. Голоса вокруг стихли. Я слышала чтение, но не могла сосредоточиться. Мои ногти впились в ладони.

Дыши, Равана. Вдох. Выдох.

Когда чтение закончилось, священник повернулся к Арсену.

— Берёшь ли ты, Арсен Умаров, в жёны Равану Караеву?

Вот и настал этот момент. Даже теперь я надеюсь, что кто-нибудь остановит происходящее.

— Беру. Беру. Беру, — быстро ответил Арсен.

Он не запнулся. Ни на миг. Как будто ждал этого всю жизнь.

Священник повернулся ко мне.

— Берёшь ли ты, Равана Караева, в мужья Арсена Умарова?

Я смотрю куда-то перед собой и пытаюсь удержать дыхание. Всё вокруг будто отдалилось.

На секунду мне показалось, что я не смогу произнести ни слова. Потом я услышала собственный голос:

— Беру.

Это слово далось мне тяжелее, чем я ожидала. Оно не похоже на согласие. Оно похоже на дверь, которая захлопнулась за спиной.

По залу прошёл шёпот. Кто-то зааплодировал; следом к нему присоединились остальные. Я сидела неподвижно и слышала, как хлопки смешиваются с гулом голосов.

Люди поздравляют нас. А я не знаю, что именно праздную.

Священник посмотрел на меня.

— Вы уже обсуждали махр? Что ты хотела бы получить?

Я не думала об этом. Не успела. Не хотела думать о браке так, словно выбираю подарок.

— Я не думала об этом, — ответила я.

Это правда. У меня не было ни времени, ни желания выбирать.

Арсен подался вперёд.

— Я дарю ей свой летний особняк и одну из своих машин — ту, которую она выберет.

Особняк и машина. Он правда думает, что можно заглушить дорогим подарком всё, что я чувствую?

Среди женщин раздался удивлённый шёпот. Я повернулась к Арсену. Он смотрел на меня спокойно, будто только что сделал вполне обычное предложение.

— Ты считаешь, это должно меня впечатлить? — спросила я тихо.

Я не смогла промолчать. Пусть услышит, что я не покупаюсь на его щедрость.

— Я сказал, что ты получишь их. Не что ты должна быть впечатлена, — ответил он.

Я отвела взгляд. Священник обратился ко мне:

— Дочка, ты принимаешь этот махр?

Отказ от подарка не отменит того, что происходит. Но я не хочу превращать церемонию в ещё один спор.

— Да, — сказала я.

Пусть это будет просто условием никаха, а не знаком благодарности.

Арсен продолжал наблюдать за мной. Его лицо не изменилось. Он будто пытался найти на нём ответ на вопрос, которого не задавал.

Священник повернулся к собравшимся.

— Все свидетели подтверждают этот брак?

Один за другим люди кивают. Ни у кого не дрогнула рука.

Родители подтвердили. Священник подождал, пока остальные свидетели ответят, затем улыбнулся.

— Тогда поздравляю вас! Пусть Аллах благословит ваш брак и дарует вам согласие. Объявляю вас мужем и женой.

Муж и жена. Эти слова всё ещё кажутся чужими.

В комнате раздались аплодисменты. Я не улыбнулась. Рядом со мной Арсен поднялся, и люди начали подходить поздравить нас.

Мурад подошёл первым и пожал брату руку.

Глава девятая
Равана

Нам пришлось снова ночевать у моей новой семьи.

Я всё ещё не могла привыкнуть к этим словам. Моя новая семья. Они звучали так, будто я сама выбрала этот дом, сама захотела оказаться среди чужих людей и сама согласилась на жизнь, которая теперь начиналась за его стенами.

Но решение приняли за меня.

Я вздохнула и посмотрела на закрытую дверь. Мать Арсена, Заира, меня явно невзлюбила. За ужином она почти не обращалась ко мне, а если и говорила, то так, словно каждое моё слово было неуместным. Она следила за мной с холодным неодобрением. Может, ей не понравилось, что её сын женился без её согласия. Может, она считала, что я ему не подхожу. А может, просто хотела напомнить: в этом доме я чужая.

Будет тяжело. Очень тяжело.

Я сидела на кровати в домашних штанах и футболке, с распущенными каштановыми волосами. Телефон лежал у меня на коленях. Я переписывалась с девушкой из моего курса по рисованию: мы обсуждали задание, краски и незаконченные эскизы. Слова на экране казались из другой жизни — той, где я сама решала, чем заполнить своё время.

Я перечитала её сообщение. Она спрашивала, когда я пришлю набросок.

Наверное, рисование тоже придётся забыть.

Я вздохнула и отложила телефон, не ответив. На столе лежала папка с моими работами. Я привезла её с собой, но пока даже не открывала. Что-то в этом казалось почти жестоким: картины были начаты, но не закончены. Я всегда думала, что успею.

Я ведь собиралась вернуться к ним. Почему теперь всё, что было моим, кажется таким далёким?

Дверь распахнулась без стука.

Я резко встала. Телефон соскользнул с колен и упал на покрывало. Арсен вошёл так, словно не видел в двери необходимости. Я схватила платок, который лежал рядом, и потянула его к голове.

Он задержал на мне взгляд. Не отвёл глаз и не извинился. Просто оценил мой вид, будто я была частью обстановки в комнате.

Он мог хотя бы постучать.

— Вас не учили стучать, прежде чем заходить в комнату? — резко спросила я, стараясь прикрыть волосы.

Голос дрогнул, но я не собиралась притворяться, будто ничего не произошло.

Арсен закрыл дверь за собой. Его лицо оставалось неподвижным, и от этого мне было не легче. В его взгляде не читалось ни смущения, ни сожаления.

— И зачем мне стучать, чтобы зайти к собственной жене?

Он снова говорит так, будто одно это слово даёт ему право переступить любую границу.

Я только вздохнула, но пальцы не слушались. Платок, который я держала, выскользнул из рук и упал на пол.

Только этого не хватало.

Арсен наклонился, поднял его и протянул мне. Я взяла платок осторожно, стараясь не коснуться его пальцев. Но он не сразу отпустил ткань.

Его рука двинулась к моим волосам.

Я отступила. Сделала шаг назад, потом ещё один — и упёрлась спиной в стену. Арсен оказался напротив. Я чувствовала, как тесно стало в комнате, хотя в ней ничего не изменилось.

Не подходи. Только не трогай меня.

Он смотрел на меня сверху вниз. В его лице не было улыбки, но пухлые губы чуть приоткрылись, когда он заговорил:

— Ты меня боишься, фея?

Он знает. Ему хочется, чтобы я сама это признала.

Я крепче сжала платок.

— Почему ты называешь меня так?

Лучше спросить о прозвище, чем ответить на то, чего он от меня ждёт.

Арсен не отступил. Его взгляд задержался на моём лице, будто он искал там что-то, чего я сама не знала.

— Скоро сама всё узнаешь. А теперь ответь на мой вопрос.

Он опять не объясняет. Только требует.

Я подняла подбородок, хотя сердце билось слишком быстро.

— Да. Я боюсь. Доволен?

Слова вышли жёсткими, но внутри всё сжалось. Я не хотела давать ему такую власть над собой.

Арсен медленно убрал руку от моего лица. Ладонь легла на стену возле моей головы, и пальцы сжались в кулак. Я посмотрела на его руку, затем снова на него.

— И почему я должен быть доволен, Равана?

Потому что ты меня запугиваешь. Но произносить это я не стала.

Я промолчала. Не знала, какой ответ он хочет услышать. Возможно, он и сам не ждал ответа. Его кулак оставался у стены, костяшки побелели. В комнате стало так тихо, что я услышала собственное дыхание.

Он злится. Я опять сделала что-то не так?

Арсен разжал пальцы, но не отошёл.

— Если ты не прекратишь вести себя так, сама испортишь моё отношение к тебе.

Будто я ещё могу сделать его отношение хуже.

— Да разве? У меня уже неприязнь к тебе.

Мне было страшно, но молчание казалось ещё опаснее. Тогда он решит, что я согласна.

Он чуть наклонил голову. Ни удивления, ни обиды — только холодное внимание.

— И что же я такого сделал, что ты меня возненавидела?

Он правда спрашивает? Или хочет услышать, как я оправдываюсь?

— Ты даже не подумал, а вдруг я кого-то люблю…

Я не собиралась говорить это. Но слова вырвались сами.

Арсен резко выпрямился. Его лицо стало жёстче.

— Равана!

Он произнёс моё имя так, что я невольно съёжилась.

Он шагнул ко мне и взял за талию. Я не успела отстраниться — он притянул меня к себе, удерживая крепко, но не причиняя боли. Я всё равно застыла. Его близость отняла у меня воздух.

Отпусти. Не надо. Почему я не могу просто оттолкнуть его?

— Слушай меня сюда. Мне плевать, любила ты кого-то или нет. С сегодняшнего дня ты стала моей женой. И лучше тебе выкинуть этого человека из головы, если не хочешь его смерти.

Он угрожает человеку, которого даже не знает. И говорит об этом так, будто уже всё решил.

Моё тело задрожало. Я чувствовала его дыхание, видела напряжённую линию его челюсти. На миг мне показалось, что если я сейчас пошевелюсь, он сожмёт руки сильнее.

— Поняла?!

Скажи хоть что-нибудь. Только не спорь сейчас.

Я кивнула.

Арсен не сразу отпустил меня. Он ещё секунду смотрел на моё лицо, потом его рука скользнула по моей талии. Я напряглась, но не пошевелилась.

— Не дрожи так, — сказал он тише, но от этого его голос не стал мягче. — Через несколько дней наша свадьба. Ты даже не представляешь, что я для тебя подготовил, маленькая фея.

Что он имеет в виду? Почему это звучит как угроза?

Я попыталась отойти, но его рука оставалась на моей талии.

— Что… что ты имеешь в виду?

Голос предательски сорвался. Я ненавидела то, как он замечал мой страх.

Арсен наклонился ближе. Его губы оказались у моего уха.

— Неужели ты не знаешь, что происходит между супругами?

Я поняла, о чём он говорит. И именно поэтому мне хотелось, чтобы он остановился.

Он снова потянул меня за талию. Моё тело задрожало сильнее. Его ладонь неспешно провела по ткани у меня на боку, будто он нарочно давал мне время представить то, чего я боялась.

Нет. Я не хочу. Не хочу, чтобы он решал за меня.

— Жду не дождусь, — прошептал он.

Я не знаю, что мне делать. Сказать «нет»? Он уже показал, что не считает мой отказ важным.

Арсен наконец отпустил меня. Развернулся и направился к двери, не оглянувшись.

Он уходит, а я всё ещё не могу двигаться.

Дверь закрылась за ним. Я осталась стоять у стены, сжав платок в руках.

В памяти вспыхнули рассказы о традиции кровавых простыней. Я слышала о ней раньше, но никогда не думала, что она коснётся меня. Сердце будто провалилось куда-то вниз. Я отступила от стены, а потом медленно сползла по ней на пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.